



ДЕНИС ВАЛЕРЬЕВИЧ СОБОЛЕВ

СЕВЕРА

БОЛЬШОЙ СБОРНИК РАССКАЗОВ

Денис Соболев

**Севера. Большой
сборник рассказов**

«Издательские решения»

Соболев Д. В.

Севера. Большой сборник рассказов / Д. В. Соболев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505546-0

«Севера» — это большой сборник рассказов. В нем и о тайге, и о нас с вами. О любви. О счастье. О грусти. Я включил в этот сборник почти все рассказы, написанные за два года.

ISBN 978-5-00-505546-0

© Соболев Д. В.
© Издательские решения

Содержание

14 минут	6
305-й километр	15
Бар «Верста»	20
История первая	20
Бедариха	25
Белки	30
Борзый	34
Будет день	37
Вовка Родео или почти ковбой Мальборо	40
Встреча в тайге	44
АНГЕЛ	46
Главный в тайге	47
Гости	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Севера Большой сборник рассказов

Денис Валерьевич Соболев

Фотограф Евгений Рузанкин

© Денис Валерьевич Соболев, 2019

© Евгений Рузанкин, фотографии, 2019

ISBN 978-5-0050-5546-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

14 минут

Легкий ветерок гнал еле заметную рябь по небольшому лесному озерцу и доносил из леса звонкие птичьи трели и аромат нагретых жарким солнцем трав и кедровой смолы. Сентябрь выдался на редкость теплым и сухим, давно такого не было. Хранитель помнил как минимум сотню разных сентябрей, а таких почти и не помнил. По воздуху, отблескивая на солнце, летали тонкие паутинки, цепляясь за травы и кусты, в кустах устроили переполох мелкие птахи... хороший день. Еще один хороший день.

Хранитель улыбнулся и, поднявшись со ступеней широкого деревянного крыльца, пошел в дом, за заваркой. Надо бы костерок развести и заварить хорошего травяного чаю, скоро придет гость. Они приходят к нему часто, не в силах смириться с кажущейся несправедливостью. Приходят и просят допустить их к Счетчику прямо сейчас, не дожидаясь положенного времени. И все задают один и тот же вопрос: почему только перед смертью? И никто ни разу не спросил, ел ли он сегодня и все ли у него хорошо?

Был он высоким, сухопарым и седым, как зима. Широкие плечи и большие мозолистые ладони выдавали немалую силу, а синие не по-стариковски ясные глаза смотрели зорко, с изрядной хитрецей. Он стал Хранителем случайно, просто потому, что был первым. Когда только зашли разговоры о создании Счетчика счастья, он первым вызвался на роль помощника и подопытного кролика. Именно его личный Счетчик стал прообразом всех остальных, эталонным и мерилком. Подумать только – Счетчик счастья! Он до сих пор не мог поверить в то, что все это не чья-то злая шутка или розыгрыш, хотя прошло уже восемь десятков лет. Да и как поверить в то, что кто-то изобрел Счетчик, который скрупулезно подсчитывает каждое мгновение твоего счастья, и в самом конце добавляет к твоей жизни или жизни твоих детей столько времени, сколько ты провел в радости? Но все это оказалось не шуткой. Счетчик работает, и время каким-то удивительным образом добавляется. Каким? Это тайна, никто этого не знает кроме изобретателей. Нет ничего удивительного в том, что любящие родители устремились к нему со всех концов света в попытке узнать побольше или как-то выторговать время, кто-то пытался купить время... Чего только не было за это время.

Размышляя, он привычно сходил до спрятавшегося в могучих кедровых корнях родника, развел костер и пристроил над ним закопченный котелок. День понемногу катился к закату, и гость вот-вот должен пожаловать. Почему-то они всегда приходят вечером, когда солнце касается верхушек сосен на дальнем пригорке. Некоторые задерживаются допоздна. На этот случай в доме устроена уютная спальня – не гнать же гостя?

На тропинке, ведущей к дому, показались двое. Нет, это были не гости. Это был рыбак из стоящей неподалеку деревни, Иван Дмитриевич, Митрич, как он сам себя называл, и его внучок Митька. Они дружно поздоровались, и Хранитель с улыбкой махнул им рукой. Митрич ходил на это озеро уже давно, сначала с сыном, теперь вот с внуком. Первое время он молча кивал и проходил мимо, торопясь на зорьку, и уходил обычно в полной темноте. Потом стал здороваться, а однажды вечером свернул с тропинки и угостил его карасями. Хранитель и сам любил посидеть с удочкой на утренней зорьке, да редко получалось... С той поры Митрич нет-нет да и забегал на огонек, чему Хранитель всегда откровенно радовался. Митрич был мужиком незатейливым и лишними вопросами не досаждал. Однажды только, в тот самый раз, когда угощал карасями, завел разговор:

– А вы, стало быть, Хранитель? – он отпил из кружки чай и потрепал по вихрам сидевшего рядом с ним Митьку.

– Стало быть – Хранитель улыбнулся и тоже сделал глоток чая.

– И что вы тут такое храните?

Хранитель как раз закончил с чисткой карасей и теперь выкладывал их в шкворчащее в сковороде масло:

– По должности вроде как Счетчик, а на самом деле... даже не знаю. Наверное, человеческое счастье.

Помолчали немного. Митрич пил чай и задумчиво смотрел в костер, Митька с открытым ртом смотрел на Хранителя, Хранитель жарил рыбу. Когда он потянулся перевернуть зажарившегося с одной стороны карасика, Митрич спросил:

– А Счетчик этот... он чего считает?

Хранитель удивленно посмотрел на Митрича:

– А вы что, не слышали ничего про него? Ну там, считает счастье и все такое?

Митрич пожал плечами:

– Да нет. А где бы слушать? Телевизор не смотрим с бабкой, да и некогда особо – работы в деревне завсегда много.

Хранитель выложил карасей на тарелку, придвинул ее Митьке и заложил следующую партию. Митька отодвинулся от стола, глянув на деда, и тот пояснил удивленному Хранителю:

– Нельзя ему, болеет немножко. А я с ним заодно не ем.

– А зачем же ловите тогда?

Митрич усмехнулся:

– Отпускаем обычно, сегодня вот решили вас угостить. А так ведь как хорошо на зорьке посидеть, на поплавок полюбоваться... А уж когда клюет... тянешь его, а он хвостом по воде шлепает и кругами, кругами... – глаза Митрича разгорелись нешуточным азартом и каким-то особенным теплом, губы тронула улыбка.

– Это да – Хранитель согласно улыбнулся.

– Так чего считает-то Счетчик ваш?

– Счастье – просто ответил Хранитель.

– А зачем? – Митричу стало интересно, он даже кружку с чаем в сторону отставил.

– Жизнь когда к концу подойдет, время, прожитое в счастье, тебе добавится. Или вот ему – кивнул на ошарашенного Митьку.

– Ух как! – восхитился Митрич – ловко придумали... И как оно все работает?

– Пытай – не скажу – улыбнулся Хранитель. – Не знаю просто.

– А считает-то честно?

– И этого не знаю, но... какой смысл обманывать?

Митрич кивнул согласно:

– Пожалуй, что и никакого. А время, говорите, внучку можно добавить?

– Можно – Хранитель отставил сковороду в сторону и подвесил над огнем котелок – чай подостыл.

– Это хорошо – протянул Митрич – очень хорошо. Я бы ему все свое время отдал, но такого счетчика пока не придумали...

Чай допивали в молчании. Митрич, отставив опустевшую кружку, поднялся, и Хранитель очень серьезно спросил:

– Не хотите взглянуть на свой Счетчик? Или на его?

Митрич застыл на мгновение, а затем отрицательно помотал головой и так же серьезно ответил:

– А зачем? Счастья мне это точно не прибавит...

...Вода в котелке забурилась, и в этот момент на тропе показался спешащий мужчина лет пятидесяти. Он шел, глядя себе под ноги, хмурый и очень целеустремленный. Выйдя на поляну перед домом, он остановился на мгновение, вглядываясь в Хранителя, а затем решительно шагнул вперед и остановился у костра:

– Мне нужно увидеть свой счетчик.

Сказал он это безапелляционно, так, что сразу стало понятно – отказа он не примет.

– И вам здравствуйте – Хранитель поднял на мужчину глаза и улыбнулся. – Чаю хотите?

Мужчина раздраженно спросил:

– Вы что, не слышите меня? Мне нужно увидеть мой счетчик!

– Нет, не слышу. У меня очень избирательный слух.

Мужчина нахмурился еще больше, набычился и шагнул вперед, обходя Хранителя и поднимаясь на крыльцо.

– Его там нет – спокойно обронил Хранитель и принялся наливать чай. Мужчина недоверчиво хмыкнул и вошел в дом.

Когда он появился на крыльце, лицо его выражало смесь растерянности и злости. Спустившись с крыльца, он присел рядом с Хранителем и с вызовом спросил:

– Где он?

Хранитель протянул ему кружку, над которой поднимался ароматный пар. Мужчина, поколебавшись недолго, принял кружку, понюхал, улыбнулся чему-то и сделал осторожный глоток.

– Смородина, мята и Иван-чай – ответил на незаданный вопрос Хранитель. – Любите такой чай?

Мужчина сделал небольшой глоток, прислушался к ощущениям и ответил негромко:

– Такой час нужно с медом пить...

– Можно и с медом – Хранитель поднялся и скрылся в доме.

Когда он появился на крыльце, держа в руке вазочку с белоснежным медом, у костра никого не было. Впрочем, и кружки, в которую Хранитель налил чай для своего гостя, не было тоже. Усмехнувшись в бороду, Хранитель устроился у костра и принялся за чаепитие, то и дело ныряя ложкой в вазочку и довольно щурясь после каждого глотка.

– Где он? – послышался из-за спины голос, уже без вызова и раздражения.

– Мед отменный в этом году. Мне его привозят с Алтая, давно уже, лет тридцать. Пасечник, Василий Михайлович, человек светлой души. Оттого и мед у него чудесный получается, попробуйте.

Гость молча уселся, взял вазочку с медом и принялся есть, запивая чаем. Доев, отставил вазочку в сторону:

– Теперь скажете?

Хранитель с улыбкой покачал головой:

– Зачем вам видеть Счетчик?

Мужчина вскинул на Хранителя глаза, долгое мгновение смотрел на него в упор, затем заговорил, все повышая и повышая голос:

– Неужели вы не понимаете, что это несправедливо? Как можно только перед смертью показать человеку, сколько у него дополнительного времени?

– А как бы вы хотели, чтобы было?

– Раньше! Например, в пятьдесят, или даже в тридцать!

– Для чего?

– Если я буду знать раньше, я смогу постараться и накопить счастья, хотя бы чуть-чуть, понимаете? – глаза его лихорадочно блестели.

Хранитель задумчиво смотрел на мужчину, и тот вдруг смешался, отвел взгляд.

– Как ваше имя?

– Какое это имеет значение?

– Я не привык подолгу говорить с незнакомцами. Вы можете встать и уйти, так и не представившись. Или назвать свое имя и остаться – Хранитель говорил спокойно, пристально глядя гостью в глаза.

– Илья – наконец буркнул он. – И что теперь? Скажете, где этот треклятый счетчик?

– Я так и не понял, зачем вам его видеть.

– Я ведь вполне понятно объяснил! – вспыхнул Илья. – Чтобы успеть накопить побольше счастья. Что в этом непонятного?

– Например. Я хотел бы узнать, что вам мешает просто стараться быть счастливым? Для этого ведь не обязательно знать, сколько времени ты уже успел пожить в радости, разве не так? Что мешает вам прямо сейчас радоваться хорошему вечеру и вкусному чаю? Травы для этого чая собирали чьи-то руки, имейте хотя бы благодарность. А мед, который для вас собрали пчелы в далеких горах? Или этот закат, посмотрите, он ведь прекрасен.

Илья прихлопнул на шее комара и едко усмехнулся:

– Куда уж прекрасней... комары того и гляди последнюю кровь выпьют...

– Комары это тоже хорошо. Это значит, что вы все еще можете чувствовать мир вокруг вас. Мертвым такого счастья не дано.

– Это вы к чему?

– К тому, что вы живы, и это уже огромный повод для счастья. Учитесь радоваться мелочам, и тогда ваш счетчик будет крутиться и крутиться.

– Да каким мелочам радоваться? Тому, что во дворе постоянно кричат дети и срабатывает чья-то сигнализация? Или тому, что в троллейбусе нахамили? Или тому, что сосед бесконечно делает ремонт? А может быть, надо радоваться тому, что зарплаты ни на что не хватает? Вы об этих мелочах?

Голос Ильи источал желчь, глаза гневно сузились, на скулах загуляли желваки, но все это не произвело на Хранителя никакого впечатления.

– Но ведь это и правда мелочи, разве вы не видите? Дети кричат, какой ужас... А ведь это всего лишь означает, что вокруг вас расцветает новая жизнь, и у всех у нас все еще есть будущее. Сигнализация срабатывает на чьей-то машине, и это тоже неплохо. Потому что у кого-то сегодня не угонят машину. И, быть может, он успеет довезти до больницы кого-то, кому очень нужна помощь. А нахамивший вам в троллейбусе человек не сорвет зло на своей семье. И сосед, делающий ремонт – прекрасен. Просто потому, что он постарался и заработал на ремонт денег, он сделает свою жизнь лучше...

– А сейчас вы кажете, что маленькая зарплата не даст мне потратить деньги на что-нибудь вредное или ненужное – усмехнулся Илья.

– Нет. Я скажу, что маленькая зарплата всего лишь повод стать лучше. Научиться чему-то новому, стать лучшим в профессии или вообще сменить профессию. Разве нет? Или вам приятнее стенать по любому поводу и лишать себя счастья?

– Да ты...! – вскочил Илья.

– Кстати, злоба отнимает твоё время. Чем больше ты злишься, тем меньше живешь – Хранитель спокойно налил себе еще чаю.

Илья поперхнулся словами, готовыми сорваться с языка, уселся на место:

– Я уверен, что в этой стране невозможно накопить счастье. Где угодно, но только не здесь.

– Почему?

– Потому что здесь нет будущего! Вокруг воровство и обман, люди пьют. Вот откуда у алкоголика или наркомана счастье?

– А вы не думали, что его счастье в том, чтобы перестать пить или употреблять наркотики? Этим он сделает счастливым не только себя, но и близких людей.

– А убийцы, маньяки, садисты, грабители... они тоже могут быть счастливыми?

– Конечно могут, по-настоящему, если откажутся от преступного образа жизни и раскаются, если понесут наказание и исправятся.

Илья несогласно покачал головой, глядя на невозмутимого Хранителя.

– А вот вы сказали, что злоба отнимает время... А боль? Страх? Горе? Разве они не отнимают счастье?

– Отнимают. На короткое время. Но если ты будешь упиваться своим горем, жалеть себя и винить всех вокруг, твой счетчик начнет обратный отсчет. Нужно помнить о том, что горе лишает радости, но не лишает способности радоваться.

Они помолчали недолго, и Хранитель продолжил:

– Я уже не помню, сколько лет живу. Но я искренне радуюсь каждому дню, каждой встрече... да всему вокруг!

– И мне? – Илья недоверчиво хмыкнул.

– И тебе. Ты напомнил мне о том, что все мы склонны искать счастья на стороне, а ведь оно живет внутри нас.

– А сколько лет добавилось вам?

– Я не знаю.

– Но ведь вы можете... в любой момент... – Илья растерянно смотрел на Хранителя.

– Могу – серьезно кивнул тот. – Но не хочу. Совсем. Я просто живу и все. И все свое накопленное время я отдам детям. Своих детей у меня нет, поэтому просто раздам.

– А как вы будете выбирать, кому отдавать?

– Я не буду выбирать – сурово отрезал Хранитель. – Бог подскажет.

– Это как это он подскажет? – Илья даже подпрыгнул.

Хранитель пожал плечами:

– Откуда же мне знать?

– А откуда знаете, что подскажет?

– Верю – просто ответил Хранитель и улыбнулся.

Илья помолчал, а затем произнес просительным тоном:

– Ну если свое смотреть не хотите, мое посмотрите? Сколько у меня там?

Хранитель отрицательно покачал головой:

– Нет, Илья, нельзя мне знать чужое время. Ты уверен, что хочешь узнать?

– Уверен.

– Подумай. Это ведь тяжкий груз.

– Я давно подумал. Мне нужно – твердо сказал Илья.

– Ну если нужно – Хранитель вздохнул – держи. Просто напиши свое полное имя и дату рождения.

Он протянул Илье небольшой планшет, поднялся и пошел в сторону озера. Илья ошарашено смотрел ему вслед...

Митрич с Митькой сидели на своем излюбленном месте, в заросшем камышом уголке, где давно уже обустроили мостки, далеко выдававшиеся в озеро. Митрич, услышав осторожные шаги, повернулся вполборота и шепотом спросил:

– А что гостя одного оставил?

– Пусть его – так же вполголоса ответил Хранитель и уселся на шершавые, посеревшие от времени и дождей доски, опустив ноги в теплую воду.

Митька покосился на него, но ругаться не стал – Хранитель изо всех сил старался не шуметь.

Поплавок на Митькиной удочке вдруг немного наклонился и быстро пошел в сторону камышей. Митька подсек, и на том конце лески загуляла, забила рыба. Леска резала воду, удилице надсадно поскрипывало, Митька сопел и упирался изо всех сил, Митрич с улыбкой наблюдал за внуком. Тот вдруг резко поддернул удочку вверх, и золотой карась, вылетев из воды, шлепнулся на мостки, заплясал на досках. Митька бросил удочку и коршуном прыгнул на рыбу, грудью прижав ее к доскам. Повернулся к деду и тихим, звенящим шепотом прокричал:

– Деда! Я его поймал, деда!

Митькины глаза светились от счастья, Митрич улыбался так, будто это он выловил такую большую рыбу.

– А ну покажи, кого ты там изловил?

– Боюсь – Митька не решался подняться.

– Не бойсь, не убежит – Митрич помог внуку подняться. Митька прижимал к груди большего золотистого карася и блаженно улыбался.

– Вот ведь счастье мальцу – Митрич помог высвободить крючок и вопросительно посмотрел на внука:

– Ну что, отпускаем?

Митька вопросительно глянул на Хранителя – ему есть.

– Пусть живет – Хранитель потрепал Митьку по голове. – Авось еще раз попадетсЯ, порадует тебя.

Митька просиял, привстал на колени и осторожно отпустил рыбину в воду. Карась стремительно скрылся в глубине, на прощание хлопнув по воде хвостом и обдав Митьку веером брызг. Митька счастливо рассмеялся, и Хранитель мысленно похвалил Митрича – тот всеми силами старался ради внука.

– Ладно, пойду я. Гость уж заждался поди – Хранитель поднялся, кивнул Митричу и неспешно пошел к дому...

...Костер почти погас, но Илья не обращал на это внимания. Он смотрел куда-то перед собой, планшет лежал на краю стола. Хранитель не спеша подбросил веток в огонь, сходил на родник за водой, вынес из дома еще заварки и пристроил котелок над костром.

– Всего четырнадцать минут – потрясенно прошептал Илья. – Всего четырнадцать. Но этого не может быть! – вскинулся он. – Ну не может быть так мало! У меня ведь много счастья было в жизни, понимаете?

Илья с надеждой, почти с мольбой смотрел на Хранителя.

– А может, это ошибка? Ведь бывают же ошибки?

Хранитель отрицательно покачал головой. Илья в ярости завыл, сжав кулаки, со всей силы треснул по лавке:

– А сын? Когда у меня родился сын, я был самым счастливым на свете! А когда женился? А когда здоровенную рыбину поймал? А...

Илья без устали перечислял счастливые моменты своей жизни, иступленно загибая пальцы попеременно на обеих руках. Глаза его лихорадочно горели, губы тряслись, лоб покрыла испарина...

– Все – вдруг сказал он и выдохнул, словно только что пробежал самое меньшее марафон. Опустил голову, мучительно вспоминая еще хоть что-то, но не смог. Поднял взгляд на Хранителя и спросил упавшим голосом:

– Это ведь больше, чем четырнадцать минут, правда?

Хранитель молча покосился на планшет. Илья протянул к планшету дрожащую руку, так, словно это была ядовитая змея. Взял его и осторожно поднес к глазам. Миг, и лицо его озарилось улыбкой:

– Я говорил... я знал, я ведь знал!

Он хотел было сказать что-то еще, но Хранитель покачал головой и протянул к планшету руку. Илья вложил планшет в его ладонь и вскочил, заходил туда-сюда, нервно кусая губы, остановился резко:

– А можно я у вас поживу немного? Я заплачу...

– Живи, сколько хочешь. Платить ничего не нужно, лишнее это.

Хранитель поднялся и ушел в дом – время позднее, отдыхать пора...

Илья прожил у него три дня, и все три дня он мучительно вспоминал самые мелкие счастливые моменты, иногда задавая совершенно дурацкие вопросы.

– А вот я в детстве один раз окно разбил, а никто об этом не узнал. Это за счастье считается?

Но, увидев насмешку в глазах Хранителя, он перестал подходить к нему с вопросами.

На исходе третьего дня Илья подошел к Хранителю:

– А можно мне еще раз посмотреть?

Хранитель молча протянул ему планшет.

– Нет, этого не может быть! Я три дня вспоминал, а добавилось всего несколько минут! Почему?! – он требовательно уставился на Хранителя. – Это вы что-то нахимичили в своем планшете! Зачем?!

Он подступал к Хранителю, сжав кулаки и стиснув зубы.

– Езжай домой, Илья, не трать жизнь понапрасну – Хранитель смотрел на гостя с сочувствием.

Тот кинул взгляд на экран планшета и закричал:

– Почему? Почему опять четырнадцать минут?!!

Он бросил планшет на землю и с размаху наступил на него тяжелым ботинком.

– Я ведь говорил тебе, что злоба забирает твоё время...

Бешено посмотрев на Хранителя, Илья опустился на лавку.

– Что мне теперь делать? – потерянно спросил он.

– Радоваться.

– Радоваться?! Чему?! Тому, что потерял все своё время?

– Ты ничего не потерял, Илья. Но можешь потерять, если не одумаешься. А можешь найти. Научись радоваться жизни, у тебя ещё есть время. Сколько лет твоему сыну?

– Тридцать два – буркнул Илья.

– Давно ты с ним общался?

Илья засопел и ничего не ответил.

– А внуки есть?

– Внука, Танечка – голос Ильи потеплел. – Ей четыре.

– Ты для нее?...

Илья мучительно покраснел и опустил голову.

– Эх ты...

– А что я? Я разве не хочу ещё пожить? Не имею права?!

– Конечно имеешь... Иди домой, Илья. Тебе пора.

Плюнув Хранителю под ноги и пнув планшет, Илья зашагал по тропе...

...Последний тёплый вечер опустился на лес. Смолкли птицы, затих ветерок, и в полной тишине был слышен тонкий звон припозднившихся комаров. Митрич сидел напротив Хранителя, мрачно глядя в огонь.

– Митьку в больницу увезли, с приступом. Ничего хорошего доктора не обещают, понимаешь?

Хранитель молчал. Да и что тут было сказать?

– Неужели никак нельзя? Ну ведь должно же быть можно? Помоги! – почти простонал Митрич.

– Я не знаю, чем тебе помочь. Не умею – Хранитель склонил голову.

Над поляной повисло тягостное молчание. Митрич вздохнул тяжело и спросил:

– Что толку от всего этого, если нельзя помочь одному мальчишке?

Вдруг глаза его вспыхнули:

– Слушай, а если я, скажем, утону или машина меня собьет, минуты спишутся?

Хранитель нехорошо посмотрел на него и сказал сухо:

– И думать забудь. Все свои счастливые годы одним махом перечеркнешь! И Митьке не поможешь, и себе навредишь.

Митрич сплюнул досадливо:

– Зачем мне, старому, небо коптить? Зачем, я тебя спрашиваю?! А мальцу еще жить и жить, мир смотреть, детей рожать... а ты – думать забудь. Да не могу я не думать! Не могу! Хранитель прислушался к чему-то, поднялся, осмотрелся вокруг...

– Пора мне, Митрич. Пришло время. Ты присмотри за домом, недолго. Через пару дней придет новый Хранитель. Отдай ему вот это – он протянул Митричу планшет.

– А как я его узнаю? – Митрич был серьезен как никогда.

– Узнаешь – Хранитель улыбнулся. – Митька твой обязательно выздоровеет, я знаю.

– Скажи мне, Хранитель, много ли в мире счастья?

– Много, Митрич. На каждого с запасом, просто не все видят – он помолчал немного. – Ты в планшете набери Митькино имя и дату рождения, посмотри.

Митрич кивнул суетливо и принялся водить пальцем по клавиатуре, высунув от усердия кончик языка. Справился наконец и охнул – на экране высветилась невообразимая цифра, такого просто не могло быть!

– Послушай, а откуда...? – он поднял глаза, и слова застыли на его губах. У костра никого, кроме него, не было. А Митькин счетчик продолжал крутиться, насчитывая ему счастливые дни...

...Яркий зимний полдень искрился снегом и звенел первым морзцем. На поляне у дома на берегу небольшого озера горел костер. У костра сидели двое – дед и внук, Митрич и Митька. Митрич варил чай, а Митька с блаженной улыбкой шурился на солнце. На заснеженной тропинке раздался скрип шагов, и Митрич повернул голову. К дому, сутулясь, шел мужчина лет пятидесяти. Он не смотрел по сторонам и не замечал ничего вокруг. Дойдя до края поляны, он остановился и некоторое время постоял, подслеповато вглядываясь в сидящих у костра. Затем шагнул вперед и спросил сиплым, надтреснутым голосом:

– А где Хранитель?

Узнать в нем Илью было почти невозможно – он сильно постарел.

Митрич глянул на него неодобрительно:

– А здраваться не учен?

Мужчина раздраженно поморщился:

– Здрасьте. Так где Хранитель?

– Зачем тебе?

– Мне нужно посмотреть на свой счетчик.

– Зачем?

– Я хочу знать, сколько времени добавилось к моей жизни.

Митрич пожал плечами и вопросительно посмотрел на Митьку. Тот вынул из-за пазухи планшет и протянул его пришельцу:

– Просто введите...

– Да знаю я, знаю – Илья выхватил планшет, быстро ввел имя и дату рождения...

– Но почему?! Почему? – он рухнул в снег. – Всего четырнадцать минут... всего четырнадцать... Зачем они мне?!!

Митька очень серьезно посмотрел на него и сказал:

– Может быть для того, чтобы позвонить сыну?

– У меня время на исходе, понимаете вы это?!

– Попробуй хотя бы эти четырнадцать минут прожить счастливо.

– Как?! Я не умею...

– Поговори с сыном, с внучкой. Ей ведь уже шесть?

– Откуда ты...? – Илья осекся.

– Тебе выбирать, Илья.

Илья кивнул и потянул из кармана куртки телефон. Счетчик на планшете застыл на отметке 14.

305-й километр

Раннее-раннее утро, почти еще ночь. На кухне горит свет и слышно как бубнит на плите чайник. Кухня у меня за стенкой, так что слышно все хорошо. Тут же, за стенкой, большая печь, и зимой моя кровать – любимое место сна нашего патриарха – кота Кузи. Растянется вдоль теплой стены во весь свой полуметровый рост и лапами меня от себя отталкивает, на дальний край кровати, где посвежее. И спорить с ним бесполезно – почти пуд веса и характер как у невыспавшегося медведя не располагают. Но сейчас по летнему времени кота рядом нет – он на кухне. Его требовательный кошачий бас способен любого разбудить и внушить мысль о немедленной организации питания для своего обладателя.

Я подскочил как ужаленный – скоро электричка!

– Лёха, вставай – зашипел я громко, толкая сладко сопящего брата – за грибами же!

Лёха и не думал просыпаться.

– Ну и спи, без тебя поедем – я метнулся в ванную...

Отец курил в печку, отпивая «купчик» – очень крепкий чай. Почему «купчик», я не знаю, но скулы от него сводило качественно и наверняка. Кузьма с громким мурчанием ткнулся мне в ноги лобастой головой, требуя ласки. Я налил себе чаю и уселся за стол...

– Сын, в холодильнике бутерброды, не забудь взять. Чаю в лесу сварим...

Утренний город молчит. Солнце только-только показалось над крышами домов и висит, путаясь в тополиных ветвях. Где-то на Загаражке брехает чей-то пес, на крышке колодца зевает здоровенный рыжий котик, в колючих зарослях шиповника тенькает синичка. Хорошо... Мы спешим на вокзал, отец курит на ходу, брат зевает – он еще не проснулся. Я же изнываю от нетерпения и почти бегу – мы едем на 305-й километр, загадочный и таинственный! Я там ни разу не был, только слышал от пацанов. Слушал их байки и завидовал этим счастливым. Ведь там, на 305-м, грибы росли просто везде. Грузди, подберезовики, маслята, моховики и даже белые! Белые у нас почти нигде не росли и считались невероятной диковиной. Нашедший белый гриб счастливцев по уровню всеобщего уважения приравнивался к впервые побывавшему на самой настоящей охоте, а это уже совсем всерьез.

Путь на вокзал мы выбрали короткий, через частный сектор, далеко в стороне оставляя стадион. Этой дорогой мы обычно бегали на рыбалку на затопленный карьер у вокзала. По пути обычно набирали червей в куче старой картошки за гаражами и к рассвету уже устраивались на берегу, в камышах. Клевали на этом карьере караси размером с ладонь, иногда чуть побольше, и поход сюда был всегда крайней мерой, если вдруг не получалось поехать на речку.

Перрон, как обычно, пуст – никто никуда не ехал тогда, только дачники да грибники. Солнце уже поднялось, разгоняя остатки тумана, приползшего на вокзал с того самого пруда, но теплее не стало, и я зябко ежился. Наконец вдаль показалась электричка, заставив меня обрадовано схватить ведра и нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Наконец состав остановился, дверь оказалась прямо перед нами. Как батя угадывает всегда? Я вот сколько раз ни пытался угадать место, никогда не получалось. Из вагона на перрон спрыгнул здоровенный рыжий мужик, весь расхристанный, босой, со старым брезентовым рюкзаком на плече.

– Братцы, а я где? – мужик озадаченно озирался.

– Киселевск – батя стоял на перроне, держась за поручень, одна нога уже на ступени, мы с братом уже в тамбуре, прислушиваемся к разговору.

– А до Новосиба далеко отсюда? – мужик поскреб поросшую курчавым волосом грудь.

– На электричке точно не доедешь. На поезд надо, 605-й, но он вечером будет.

Мужик поскреб теперь уже затылок, кивнул сам себе и побрел куда-то вдоль перрона.

Электричка дала короткий гудок и тронулась, батя заскочил в тамбур и дернул в сторону деревянную дверь. В вагоне почти никого – в дальнем углу занято несколько деревянных

скамеек, там сидят заспанные и явно похмельные студенты, один из них спит, зажав ногами гитару. В центре вагона, тесно прижавшись друг к дружке, сидят бабулька с дедом, благообразные и какие-то удивительно добродушные даже с виду. У ног их стоят две большие плетеные корзины и алюминиевый бидон.

Мы устроились на жестких скамьях, я уставился в окно, брат, привалившись к стенке, принялся усиленно спать, батя размышлял о чем-то, глядя в окно на другой стороне вагона. За окном проносились тополиные посадки, какие-то полузавалившиеся домишки, потом потянулись карьеры, перемежающиеся пустыми полями. Я глазел в окно и представлял, как там, на 305-м? Наверное, тайга дремучая, елки с пихтами...

Пару раз электричка останавливалась, вагон постепенно наполнялся. Рядом с братом уселся какой-то профессорского вида дед, в очках в тонкой оправе и добротном костюме в мелкую клетку, на голове венчик седых пушистых волос, в руках корзинка, накрытая белой тряпочкой, и свернутая в рулон газета. Он строгим взглядом поверх очков оглядел нас с братом, важно кивнул отцу и погрузился в чтение. Но не прошло и пяти минут, как дед опустил газету и спросил у отца:

– А что вы таки думаете об увеличении объемов добычи углей?

Так и сказал – углей, на что батя хмыкнул.

– Ну что, совсем ничего не думаете? – голос дедка полнило искреннее изумление пополам с возмущением – А ведь это очень влияет на природу! Попомните мои слова, лет через тридцать здесь не останется ничего живого. Дети наши где будут жить? Где, я вас спрашиваю?!

Брат от гневной патетики соседа проснулся и смотрел на него, открыв рот. А дедок, не желая успокаиваться, потряс перед носом улыбающегося отца газетой и спросил вдруг, подозрительно прищурился:

– Вы, наверное, шахтер?

Поняв, что отмолчаться не удастся, батя кивнул. Дед, словно только этого и дожидаясь, возопил, обличающе уставив на отца палец и заставив весь вагон смотреть в нашу сторону:

– Вооот! Зарылись в землю как кроты, роете и роете, нарушаете экосистему! А она – хруп-ка-я, понимаете, нет?

Потом перевел взгляд на меня и спросил вдруг:

– А вот вы, молодой человек, тоже в шахту ползете?

Ответить я не успел – откуда из-за моей спины раздался насмешливый мужской голос:

– А кушать ты чего будешь, если мы в шахту ходить перестанем?

Дед аж подпрыгнул:

– Я честно заработал свою пенсию, и мне ее вполне хватает!

– Вот и хорошо – ответил мужик за моей спиной – Мы уголек рубаем, страна его продает и пенсию тебе с тех денег платит, так нет?

Дед надулся и молча уставился в окно, но затем, спохватившись, развернул газету. Но не прошло и десяти минут, как он снова опустил газету и спросил меня:

– Вы, наверное, за грибами едете?

Я кивнул.

– Любите лес?

Я снова кивнул.

– Совсем скоро не будет ни леса, ни грибов – одни разрезы – дед вздохнул грустно. – Вот вам какие грибы больше всего нравятся?

– Белые.

– Вот их и не останется. И других тоже.

Отец буркнул под нос:

– Болтун.

В этот момент электричка начала замедлять ход, из сиплого динамика над дверью разнеслось:

– Станция «305-й километр».

Я подскочил, схватил ведра и рванул к выходу, отец с братом пошли следом. Дед вслед выкрикнул:

– Закройте все ваши шахты!

Но вот, наконец, электричка остановилась, дверь отъехала в сторону, и в тамбур ворвался густой запах нагретого креозота, замешанный на аромате трав и леса. Я ссыпался по ступеням на перрон, жадно глядя в лес, где мне мнились заросли грибов.

– Бать, а мы туда? Или куда?

– Да хоть куда – отец закурил, взял у меня ведро и зашагал в лес. Мы с братом потопали следом. В ведре у брата лежал наш продовольственный запас, у отца за спиной – выцветший брезентовый рюкзак, пропахший кострами и еще чем-то особенным, от чего сразу хочется в лес или на речку.

Углубились в лес, сразу направившись подальше от железной дороги. Вокруг – красота! Черемуха, береза, рябины и осины, боярышника целые заросли и невысокая, будто постриженная травка. Грибов, правда, пока не видать, но это ничего, не дошли просто до грибных мест...

– Бать, а чего этот дед про шахты говорил? – я шагал за отцом.

– Правильно он все говорил, наверное. Но шахты они ведь не просто так, их умные люди строят.

– И что?

– А не знаю, сын. Человек природе только вредить может. Ну или стараться ее беречь.

– А как ее беречь?

– Не брать больше, чем надо. Не мусорить, не оставлять костры в лесу... да мало ли. Любить надо природу и не причинять вреда. И другим не давать вредить.

– И это пересилит вред от шахты?

– Если этого не делать, то вред точно пересилит...

Вышли в небольшой соснячок, залитый солнцем и от этого особенно красивый. Там и тут из рыжей хвои торчат разноцветные сыроежки, но мы их не берем – крошатся. Идем дальше, и вдруг отец приседает – нашел какой-то гриб. Подхожу ближе – целая полянка черных груздей, запашистых, крепких... Прохожу дальше, надо искать... И вижу семейку рыжиков, мохнатых и ароматных. Ура! Первые грибы есть!...

В сосняке больше ничего не нашли, хотя я так надеялся найти белый гриб... Проходим еще метров пятьсот и выходим на обширную поляну, в дальнем конце которой стоит большой деревянный дом с двускатной крышей, сарай какой-то во дворе, никакого забора. Посреди поляны стоит огромная корова, красно-коричневая, с высоченным горбом и большущими рогами. Увидев нас, корова мотнула головой и ринулась в атаку. Батя схватил валяющуюся в траве березовую ветку и с криком «Бегите!» шарахнул корову между рогов. Ветка оказалась трухлявой и разлетелась на части. Корова остановилась в недоумении, над поляной повисла тишина, и тут откуда-то от дома донесся удивленный голос:

– Мужик, ты чего делаешь?

Батя сплюнул, подобрал ведро и зашагал дальше. Мужик на крыльце провожал нас недоумевающим взором – пришли трое из леса, треснули корову и ушли. Я успел заметить, как корова укоризненно посмотрела на хозяина...

За следующие пару часов мы исходил и сосняки, и березняки – тщетно.

– Сухо – батя выбрал полянку в теньке., поставил полупустое ведро и снял с плеч рюкзак. – Перекусить надо, тогда грибы пойдут. Ташите сушняк.

Мы с братом метнулись в лес – костер будет! Чай с дымком и колбаса жареная!

Через десять минут мы крутили над огнем нанизанные на тонкие прутики куски хлеба и колбасы. Можно, конечно, было и бутербродами пообедать, но так вкуснее! Скоро и вода в котелке забулькала, и батя бросил в нее жменю заварки и пяток смородиновых листов, сорванных тут же. Какой запах поплыл над полянкой, не передать...

Пообедав, залили костер остатками чая и засобирались дальше. Солнце перевали за полдень, и духота стояла невообразимая.

– Гроза будет – батя пристроил рюкзак на спине.

– Почему?

– Душно, гнус с ума сошел, живьем ест, да и кости болят...

После травмы в шахте батя погоду лучше барометра чувствовать научился. А комары с мошкой и вправду не давали вдохнуть. Мы выломали разлапистых березовых веток и теперь обмахивались ими, стараясь идти следом за непрерывно курившим отцом. Он, заметив это, сказал:

– Не, сыны, так мы грибов не наберем. Расходимся.

Следующие два часа принесли нам только понимание того, что рассказы про грибы на 305-м, мягко говоря, преувеличены.

– Все, сыны, домой пора. Электричка через сорок минут, а следующая аж через три часа.

Я хотел было возмутиться, но глянул в свое полупустое ведро и промолчал. Обратномы двинулись кружным путем. Вошли в светлый березняк, где тут и там стояли сосны, и вдруг...

– Хррруп – под ногой что-то хрупнуло.

Опустив глаза, я увидел... груздь! Его белый разлом светился в черной земле. Я присел, срезал его и принялся смотреть по сторонам – грузди ведь семьями растут.

– Э нет, сын, так ты ничего не увидишь. Гляди – отец опустил на четвереньки и принялся прощупывать землю вокруг себя. И через минуту уже выкапывал из земли крепкий, с завернутыми краями, груздь. Я тут же взял с него пример, и результат не заставил себя ждать.

Следующий час мы ползали по березняку, позабыв об электричке и временами громко вскрикивая от радости. В ведрах помимо груздей лежали и коровники, и подберезовики. И под конец этого чуда брат нашел стоящий наособицу большой толстоногий белый гриб. Сколько радости было в его лице, когда он присел перед царем грибов и протянул к нему руку. Аккуратно взяв его ножку, он принялся выкручивать гриб из земли... Широкая улыбка сменилась вдруг недоумением, а затем и ужасом – под грибом оказалось гнездо лесных пчел! С низким басовитым гудением они вылетали из гнезда и тут же бросались в атаку. Ах как мы бежали! Бросив ведра, рассыпав грибы, мы летели по лесу, не разбирая дороги. Брат держал в руке тот самый белый гриб...

– Уф! – отец отдувался, упершись руками в колени и утирая мокрый лоб.

– Ага – брат обессилено рухнул в траву, аккуратно потрогал затекший глаз.

Я промолчал. Чего тут говорить, все и так было ясно.

Отдышавшись, отец заговорил:

– Вот что, сыны, без грибов мы приехать можем, но без ведер...

Мы с братом переглянулись – нам очень не нравилось начало разговора, особенно брату, ему крепко досталось. Отец продолжил, посмеиваясь:

– Возьмем березовые ветки и будем изо всех сил отмахиваться. Мы с тобой – взгляд на меня – будем отмахиваться, а Леха хватается ведра и ходу.

Мы снова переглянулись, обреченно вздохнули и направились в сторону злосчастной поляны.

Нас встретил зловещий гул. Мы с отцом принялись изображать вентиляторы, а Леха подхватил свое ведро и... принялся складывать в него рассыпавшиеся грибы.

– Брось! Хватай ведра и бежим! – голос отца не предвещал ничего хорошего, но Леха упорно собирал грибы...

Перрон. Народ собрался разный – дачники, рыбаки с удочками, веселая компания молодых ребят и несколько грибников с полупустыми ведрами. Последние посматривали на нас со смесью зависти и злорадства – брат собрал ВСЕ рассыпанные грибы, и мы с отцом теперь выглядели так же, как он. Наконец пришла электричка, и мы забрались в вагон. Я прижился пострадавшей щекой к прохладному стеклу, изредка подвывая, брат тоже, отец страдал молча....

Мы шли домой, ведра оттягивали руки, опухшие лица и руки нестерпимо зудели, но мы улыбались. Встречные тоже улыбались, но что-то мне подсказывает, что от радости за нас...

Бар «Верста»

История первая

Колеса старого, пожившего «Форда Эскалада» еле слышно гудят, наматывая километр за километром старой, разбитой трассы. По обеим сторонам тянется мрачноватый заснеженный ельник, иногда в прогалах мелькают поляны с заваленными снегом стогами. То ли с осени бросили, то ли для зверья оставили. В этом медвежьем углу зверья хватает.

Из приемника, временами перемежаемый свистом помех, льется голос Синатры. «Strangers in the night». Прямо-таки про меня песня, ночь как раз подбирается на мягких лапах, и фары то и дело выхватывают из снежной круговерти очередную поворот. Никого на трассе. Здесь редко бывает много машин, только весной и осенью, когда народ устремляется из городов на охоту и рыбалку, да грибки целыми ватагами выезжают на свой неслышный промысел. Ну и дальнобой, как без них? Эти круглый год катают по стране, и в наш глухой угол тоже что-то везут.

А сейчас январь, глухозимье, только-только закончились праздники, так что ждать гостей не приходится. Но не закрываться же?

Тусклая вывеска, гордо гласящая Бар «Верста» показалась из-за поворота. Точнее, я ее угадал в пурге по едва видимому мигающему свету. На площадке перед баром, залитой теплым желтоватым светом из большого окна, заменяющего фасад, стоит одинокий грузовичок. Давненько стоит, у колес собрались небольшие сугробы. Значит, скоро поедет. Здесь надолго никто не задерживается.

Скрипнули тормоза, я приткнул машину чуть в стороне – нечего гостевую парковку занимать. Прихватив с соседнего сиденья полупустой термос, я вышел из машины, постоял пару минут, с наслаждением вдыхая пахнувший снегом воздух, и шагнул к двери в бар. Но открыть не успел. Дверь открылась сама, и навстречу мне шагнул крепкий мужик лет тридцати. В руке он нес такой же, как у меня термос. Окинув меня взглядом, мужик остановился недалеко от крыльца, вытер покрытый испариной лоб и потянул из кармана пачку сигарет. «Кент». Я, пока не бросил, такие же курил. С наслаждением закурив, мужик казал негромко, глядя в темноту:

– Пуржит.

Он вроде бы и не обращался ко мне, но кроме нас на парковке никого не было, поэтому я ответил:

– Скоро утихомирится.

Мужик пожал плечами, выпустил дым в небо, задрал голову, щелчком выбил из окурка уголек, окурочок аккуратно упрятал в пачку, повернулся ко мне:

– Ну, бывай тогда.

Развернулся и пошел к своему грузовичку.

Дождавшись, когда грузовичок заведется, я потянул входную дверь на себя и шагнул в теплое, пахнущее едой нутро бара. Навстречу мне полилась немного тоскливая песня Боба Дилана «Девочка из северной страны». Репертуар в «Версте» всегда отличался от привычного для таких мест.

Длинная стойка с парой пивных кранов и солидной выставкой крепкого алкоголя на задней стенке, десяток столиков с обтянутыми винилом диванчиками, маленькая сцена у дальнего торца зала с парой больших колонок и большой плоский телевизор над ней. Вот и вся «обстакановка», как говорит Игорь, мой напарник и совладелец «Версты». Увидев меня, он приветливо кивнул и продолжил протирать и так сияющий чистотой бокал. Я поставил термос

на стойку, взял из подсобки широкую снеговую лопату и пошел чистить парковку. Если дожидаться конца метели, то работы будет в два раза больше, и будет она вдвое тяжелее.

Игорек хмыкнул, забрал термос и скрылся на кухне. Он отработал день и теперь собирался домой. Его там ждет Надюха, молодая крутобедрая деваха из нашей деревни. Игорь с ней уже третий месяц как сошелся, так что домой он торопится всерьез. Надо же, и не заметил, как начал называть деревню «нашей». Ну да третий год здесь, пора бы уж...

Ночные смены всегда за мной. Меня, в отличие от Игоря, никто не ждет, не к кому спешить. Семьи за свои сорок лет так и не нажил, не встретил свою женщину. А с чужими семьями не заводят.

Я люблю работать по ночам. Ночью мысли текут неспешно, гости появляются и исчезают почти незаметно. Ночью случаются самые интересные разговоры. Иногда такие же, как с водителем грузовичка. Несколько слов, которые говорят обо всем. О том, как он уже устал, а впереди еще долгая дорога. И о том, что через время его начнет неудержимо клонить в сон, и он прижмет свой грузовичок к обочине или нырнет в какой-нибудь тупик. И поспит, наконец, а утром, морозным и румяным выскочит, умоется снегом, выпьет горячего кофе из термоса и поедет дальше.

Иногда вдруг начинаются пространные беседы обо всем сразу, и тогда ты говоришь с удовольствием, будто бы каждое сказанное слово снимает какую-то шелуху с души. А иной разговор длится и длится, с паузами, без спешки, без темы. Просто разговор. Он начинается словно бы сам собой, как будто продолжается. И ты включаешься в эту игру, радуясь тому, что ничего от этого разговора не зависит, он просто так. Бывают и молчаливые разговоры, когда каждый занят своим делом и вроде бы не обращает внимания ни на что вокруг, но на самом деле про себя ведет диалог.

Так за размышлениями я очистил парковку, оббил лопату от налипшего снега и пошел внутрь, в тепло. На столе уже исходила паром большая кружка с чаем, рядом на блюде ждала своего часа горка печенья. Игорь сидит напротив, баюкая в своих больших ладонях точно такую же кружку. Неспешно умывшись, я уселся на скрипнувший под моим весом диванчик, сделал аккуратный глоток обжигающего ароматного чая, посмаковал немного...

– Как день?

Сделав глоток, Игорь посмотрел на падающий за окном снег:

– Тихо...

Чай допиваем в молчании, наблюдая за медленно ложающимися на парковку снежинками. Ветер вдруг утих, и мигающий свет вывески теперь искрится на снегу, окрашивая его то в желтоватый, то в синий. Красиво. Тихо бренчит на гитаре Джонни Кэш, напевая о том, что видит темноту. А мы ее тоже видим, за снегом и светом видим. Это особенная темнота, она ничего не прячет. В ней живут слова и смыслы, уехавшие гости, планы на завтра. Я люблю темноту.

Игорь прихватывает мою кружку и уходит, вскоре доносится мерный шум воды – моет посуду. Как любой нормальный мужик, он моет всю посуду, что накопилась за день, сразу. Так у нас заведено – не оставлять друг другу лишней работы.

Я взял пульт и включил Синатру. Его голос как нельзя лучше подходит для таких вот ночей, когда не ждешь гостей и просто думаешь о чем угодно. О Синатре, например. Великий певец, по-настоящему великий. Человек-музыка. Слушая его песни, я слушаю не песни, а его, старину Фрэнка. Потому что он умел вкладывать смыслы, и это дано не всем. Он прожил хорошую жизнь и ушел, оставив след. Это тоже не всем позволено. И хотя английский я знаю на три с большой натяжкой, но мы с Фрэнком друг друга понимаем.

Шум воды утих, Игорь вышел из кухни, накинул свою любимую кожанку и вышел в ночь. Вскоре за стенкой заурчал мотор его «Крузера», свет фар медленно развернувшегося «проходимца», как именовал его хозяин, прополз по стене, зацепив весело блеснувшие бутылки за стойкой, и Игорь уехал, коротко «гукнув» на прощание сигналом.

Я улыбнулся вслед и отправился в кухню, инспектировать остатки. Если вдруг кто-то придет, надобно накормить. Как я и предполагал, за главное блюдо дня выступала за жарка. Мы здесь особо разносолами не балуем гостей. Мясо, овощи, пюрежка на гарнир или каша. Честная еда. На завтрак каша обязательно, я за эти пару лет научился готовить ее просто шикарно. Это не мое раздутое самомнение говорит, это гости. А я и не спорю, самому нравится. Запас овощей и мяса достаточный, взвод накормлю при нужде. Был у нас случай. Шла по трассе колонна армейской техники. Такая же зима стояла. Куда они гнали «Супер-МАЗы» и «Уралы», мне неведомо. Но аккурат возле «Версты» колонна встала – кто-то сломался. Вояки с присущей им бесцеремонностью и основательностью заняли всю парковку, напрочь лишив всех остальных страждущих шанса поесть. Покопавшись минут тридцать, вояки поняли, что быстро починиться вряд ли получится, и через пару минут три десятка человек плотно расселись по диванам и заказали еды. Давненько я так не крутился. Но ничего, справился, ни одного голодного не осталось. Пока товарищи кушали, экипаж пострадавшего «Урала» все же что-то наколдовал, и, быстро похватав горячего, завел-таки свой агрегат, и колонна скрылась в метели...

Подпевая Фрэнку, на всякий случай помыл овощи, поставил чайник на мирно гудевшую печку. А чем прикажете тут отапливаться? Центрального отопления нет, а электричество нынче кусается. Да и на живом огне еда всегда вкуснее получается, это я с детства знаю. Водопровода, кстати, тоже нет, но мы организовали колонку, и проблем с водой нет.

Мне, конечно, до Фрэнка далеко, да и не тягаюсь я с великими. А вот Ванька, тракторист наш, поет его очень душевно. Мы когда с Игорем «Версту» достраивали, Ванька пришел как-то вечером и с порога бухнул:

– Мужики, сделайте сцену, а? Маленькую.

Переглянувшись с Игорем, мы удивленно воззрились на Ивана. Он, поняв, что мы просто так сцену городить не намерены, вздохнул и сказал:

– Я петь люблю. Очень.

Перспектива слушать какой-нибудь шансон или, еще хуже, попсу, нас не грела, о чем мы и заявили в голос. Улыбнувшись, Ваня, смущенно тиская в замасленных руках шапку, затянул «Moonlight». Да так затянул, что и Фрэнк бы аплодировал, точно знаю. Дослушав до конца, Игорь с очень значительным видом спросил:

– А еще что можешь?

Следующий час мы бессовестно гоняли Ваню в хвост и в гриву, работа на объекте встала. Делавшие отделку армяне тихонечко присели в уголке и слушали, как и мы, открыв рты и щуря глаза от удовольствия. На мой вопросительный взгляд Арам, их старший, развел руками, с улыбкой кивнул на Ивана и прошептал громко:

– Как можно мешать? Никак нельзя.

И не поспоришь.

Допев, теперь уже Иван вопросительно уставился на обалдевших нас. Откуда он знает английский? Где выучил песни Фрэнка?

– А ты ... чего не поступил никуда? На тракторе вкалываешь... а мог бы на сцене!

– Так это... я ж и прошу сцену.

– Будет тебе сцена – я не мог отказать.

– Только я по воскресеньям смогу, в другие дни работа. И летом только по вечерам... не всегда. Сами знаете.

Знаем, как не знать. Летом Ваня пашет без продыху, но мы потерпим.

– Добро. А можешь «Moonlight» еще разок?...

И вот теперь каждое воскресенье Ванька поет. Не важно ему, есть кто в зале, или только мы с Игорем (я ради этого приезжал пораньше), он поет. Только ему я разрешаю курить в зале. Он приходит, садится на стул, закрывает глаза и поет. А мы с Игорем по очереди носим ему виски. Из его личной бутылки, за которой я специально ездил в город. Мог бы попросить кого-

нибудь, привезли бы, но... Это мое дело. Просто потому, что уважаю. Теперь по воскресеньям у нас почти не бывает пусто. Люди приезжают послушать. Жаль, что сегодня не воскресенье.

Снаружи зашумел мотор, и я вышел в зал, вытирая руки полотенцем. Подъехавший на авто гость потушил фары, заглушил мотор и выбрался под снег. Я отлично видел его, ловящего ртом снежинки. Молодой мужчина, лет тридцать или около того, в добротной кожаной куртке, джинсах и легких туфлях. Постоял немного, подняв лицо к небу, и, оскальзываясь, направился ко входу в бар. Зачем в летних туфлях зимой ходить? Дань моде? Ладно, не мое дело. Мое дело – накормить.

Дверь хлопнула, и парень застыл на пороге, огляделся.

– Доброй ночи – глуховато произнес мужчина.

– Доброй. Поужинаете?

– Можно кофе? – как-то потерянно спросил гость и пошел к стоящему в углу у окна диванчику. Повесив куртку на стоящую тут же вешалку, он уставился в окно. Пожав плечами, я ушел на кухню. Кофе мы всегда варим в турке на печи. Когда я завел было разговор о покупке кофе-машины, Игорь только хмыкнул. Он фанат кофе и не признает компромиссов, и сваренный любым другим способом кофе считает суррогатом. Дождавшись пенки, я снял турку с печи, налил кофе в специальную тонкостенную чашечку и вышел в зал. Гость так и сидел, глядя в окно отсутствующим взглядом. Я аккуратно поставил кофе перед ним:

– Ваш кофе. Из турки.

Он взял чашечку, принялся, отпил небольшой глоток и замер ненадолго, прикрыв глаза.

– Спасибо – он вздохнул и отвернулся.

Я вернулся за стойку и взялся за висящие вверх ножками бокалы. Протираешь его тщательно, смотришь на свет и подвешиваешь на место. Синатра сменился Сэмом Куком, за ним Биби Кинг... Когда запел Том Вэйтс, гость не выдержал:

– Почему блюз?

– Не нравится?

– Нравится, но... Неожиданно здесь услышать.

– Я люблю хорошую музыку.

Он помолчал, допил кофе, отставил в сторону опустевшую чашку:

– Это ведь у вас по воскресеньям поет хороший музыкант?

– Он тракторист. Да, у нас.

– Тракторист?

– А почему бы трактористу не петь?

– Да, верно... Вы не спрашивали у него, почему он поет?

– А почему люди поют? Вообще?

Он потер переносицу.

– Есть еще кофе?

Я сходил на кухню и скоро вернулся с двумя чашечками, уселся напротив:

– Он нам не сказал до сих пор, где научился петь и почему поет американскую музыку.

Просто приходит и поет. А мы и не против.

– У вас есть женщина?

Я вздернул бровь, и мужчина смешался:

– Может быть, вы знаете... Почему они уходят?

Я покачал головой.

– Не знаю. Это только они знают. Да и то не всегда...

Помолчав немного, он заговорил, глядя в чашку:

– Мы познакомились случайно. Я ехал домой, злой после перепалки с шефом, настроение на нуле. И вдруг на пешеходном переходе она шагает мне прямо под колеса. Конечно, я должен

был остановиться, но... И тут она. Шагнула, подняла ладошку в перчатке и так на меня глянула, что, мне кажется, я покраснел. А она вздернула нос и ушла. Я не мог ее отпустить просто так. Догнал, извинился, пригласил на ужин, вроде как компенсация морального вреда. Хотя пострадавшим был я, это точно.

Я слушал молча. Это ведь считай что исповедь, ответы не нужны. А парень, допив кофе, продолжил:

– Она не согласилась, но номер телефона оставила. Я написал ей в этот же вечер. Оказалось, что она замужем. Переписки, встречи, ну и закрутилось. Через полгода она ушла от мужа. А сегодня от меня. И теперь я думаю – почему?

Он замолчал и отвернулся. А я вспомнил, как три года назад пришел в пустой дом. Ни вещей, ни записки, только запах ее любимых духов, терпкий и немного горький. Или эта горечь мне показалась? Тогда я тоже спрашивал себя «Почему?». А потом собрался и уехал сюда. Продал все и убрался из города, который тянул из меня силы. У меня не было ответа для сегодняшнего гостя.

– Вы ведь не даете советов?

Я внимательно посмотрел на сидящего передо мной мужчину. Он улыбался как-то так... понимающе.

– Неблагодарное это дело.

Он кивнул молча, достал из внутреннего кармана бумажник, положил на стол тысячную купюру и поднялся.

– Подождите, сдачу принесу.

– Не нужно – он протянул мне руку – Спасибо.

Уже на пороге он остановился, обернулся и спросил:

– Как думаете, она могла уйти просто так?

Вот что тебя гложет...

– Не знаю. Но надеюсь, что нет.

– Почему?

– Потому что тогда какова цена ее словам?

Он улыбнулся и ушел. Вновь поднялась пурга, гоняя снег по парковке и бросая целые его охапки в стекло. Январь. Ночь. Жду гостей...

Бедариха

...Четыре часа утра. Старые часы на стене тихонько так отбили, стараясь не разбудить нормальных членов нашей небольшой семьи. Знаете, такие часы с гирьками в виде еловых шишек на цепях и резной избушкой вместо корпуса. Там еще кукушка должна быть, но кукушку часам свернул котяра. Она его жутко раздражала своим оголтелым поведением. Многочисленные попытки гневного гипноза не спасли ситуацию.

А котяра у меня был знатный. Четырнадцать кило чистого боевого веса. Черный как смоль с наглыми желтыми глазищами и характером похмельного викинга на чужой территории, он кошмарил все кошачье население района. А кукушка его игнорировала. И однажды его душа не выдержала. Он занял выжидательную позицию на подоконнике, приготовился. И когда кукушка по традиции нагло выскочила и начала орать, он взметнулся ввысь. Мощное поджарое тело вытянулось в стремлении преодолеть гравитацию, правая лапа с широко растопыренными сантиметровыми когтями с размаху влепила несчастной птице по корпусу, и нежный механизм не выдержал. С дребезжащим звоном кукушка улетела в сторону дивана, где и попала отцу точно в лоб. Кот, поняв, что сейчас повторит подвиг кукушки, рванул в кухню, отец рванул было следом, но передумал. Кузьма был мстительным, и за обиду всегда рассчитывался сторицей. Ну его...

...Тихий бой часов еще не успел смолкнуть, а я уже подскочил со своей панцирной кровати и, поеживаясь, рванул в ванную. Дома прохладно, что и не удивительно. На дворе январь, новогодние каникулы, мороз давит основательный. Вчера под вечер было тридцать. Батареи по традиции еле теплые, но у нас есть печь. Здоровенная, на полкухни, кирпичная печь с водогрейкой и духовкой, она нас спасала как раз в такие дни, когда кочегар в котельной запил. Батя на кухне уже подбросил пару совков штыбы в печь, и пламя загудело ровно, раскаляя чугунную плиту до малинового свечения.

Умылся, взял шахтовый аккумулятор и подошел к окну, глянуть температуру за бортом. Мдя. Минус тридцать семь. Ну ничего. Палатка есть, сухого горючего в достатке, да и шмель бензиновый тоже имеется. Не замерзнем. Главное, чтобы Серега не забоялся мороза. Он такой, может и передумать.

Гараж Серегин прямо под моим окном. И мы, попивая чай и покуривая, поглядываем в темноту за окном – идет или нет? Пайка заготовлена с вечера – добрый шмат соленого сала, булка хлеба, пара луковиц, горчица батина ядреная. Ну а чай в термос зальем перед самым выходом. Ящики тоже собраны и перепроверены на десять раз. Мы едем на рыбалку! Зимнюю рыбалку люблю страсть. А уж в Иганино так вообще. Там на больших плесах есть заветные ямки, где окунь и сорога клюют всегда. А при везении и карася доброго можно выудить.

Как обычно перед рыбалкой я полон надежд и оптимизма, а батя невозмутим. В ночи раздается трель телефона – это Вовка. Он такой же нетерпеливый как и я, хотя батин ровесник. Пара минут разговора и батя возвращается на кухню. Молча наливает чай в кружку и мы продолжаем ждать. Наконец под окном залязгали замки Серегиного гаража. Я выдохнул. Едем все-таки.

Нам рыбакам собраться – только подпоясаться. Пара минут, и мы курим у гаража, притопывая на морозе. Ящики уже в машине, старый «Москвичок» коптит сизым вкусным дымком. Серега, тощий усатый очкастый мужик, о чем-то пересмеивается с батей, поглядывая в ту сторону, откуда должен появиться Вовка. А его все нет. Машина выкатилась из гаража, и мы поспешили занять места в прогревшемся салоне. А Вовки все нет. Мобильных тогда тоже не было, поэтому только ждать. Время уже пять, пора бы выезжать. Ехать до места нам чуть больше часа, да там еще минут тридцать пешего хода...

Но вот и Вовка, спешит поскрипывая затянутыми в химзащитные чуни валенками – бур на плече, ящик на буре. На голове треух, тулупчик расстегнут несмотря на мороз, в зубах «Прима»...

Пока ехали, я придремал, уткнувшись носом в воротник, и привычные Вовкины шуточки все проспал. В Иганино, небольшую деревушку на берегу родного Чумыша, выкатились в утренних сумерках. Скорей на лед! Самый клев сейчас. Похватили буры и ящики и в путь. Идти с километр до первого большого плеса. Называется он Поддувало. Причину объяснять не надо, думаю. Плес этот – одна большая излучина реки. Есть и ямы, и отмели, и коряжник в дальнем углу, и русло под берегом. От него по руслу еще метров пятьсот, и второй плес – Бедариха. Нам туда. Почему Бедариха, никто не знает, хотя у местных старожилов и пытались узнать, да куда там...

Бегом, бегом. Я сразу к своей любимой яме, где уже обосновались пара человек. Деда. Такие, которые всегда на льду, когда бы ты ни приехал. Поздоровался, расчехлил бур и ну лунки ковырять. А лед на плесе толстенный, больше метра, и на морозе колкий. Но бур хороший, ленинградский, сам в лед лезет. В общем, справился. Быстро ладошкой лед из лунки вычерпал (вода как кипятки крутой), размотал удочку, нацепил мотыля и утопил в прозрачной воде. Миг и кивок отсигналил – мормышка на дне. Первая проводка, вторая... Холодно. Закурил, так оно теплее вроде.

Дед справа прокашлялся гулко, матюгнулся смачно, сочно, как только деда и умеют, и спросил, глядя на свой кивок:

– И каково?

Я уже знал эти подходы. Это вроде экзамена на рыбацкую профпригодность, и проводят его всегда деда.

– Холодно.

Молчание. Дед трясет рукой, заставляя мормышку под водой выписывать невообразимые кульбиты. Я тоже играю, меня скорость и амплитуду – рыба в январе д. же капризная. И вдруг... кивок замер! Поклевка! Подсекаю и чувствую приятную такую тяжесть на конце лески. Шустро перебираю руками, вываживая рыбу. По ощущениям крупный кто-то... та-а-ак... в лунке показывается голова карася. Карась! Хороший, в полторы ладони, он тяжело ворочется на снегу, собирая на себя хрусткие звонкие снежинки.

Дед покосился из-под косматых бровей, хмыкнул и затряс удочкой с удвоенной силой. Я же наживил сразу трех мотылей и быстро уронил мормышку в воду – карась подошел, успевать надо...

Поклевка последовала незамедлительно! Удар, потяжка, короткая борьба и еще один карась ворочается на снегу. «Хм» деда прозвучал уже как-то осуждающе. Его напарник, сидевший чуть дальше, с кряхтением поднялся, подошел и молча встал у меня за спиной. Батя с мужиками ушли под другой берег – у них там любимые точки, на коряжнике. И оттуда уже доносились радостные Вовкины восклицания – каждую пойманную рыбку он всегда встречал гоголом и какой-нибудь присказкой.

На плес тем временем подтягивался народ. Кто-то приходил тихо переговариваясь, кто-то молча проходил к облюбованному месту. И вскоре плес наполнил скрежет и сдавленное сопение – мужики спешно бурились. Они видели моих карасей, да и у других возле лунок уже лежало по паре рыбешек. Я не отвлекался на проходящих, сосредоточенно играл мормышкой, пытаясь соблазнить еще хотя бы одного карася... Потяжка была такой сильной, что я чуть было не выпустил удочку из рук! Подсечка, и на том конце лески заходил, загулял кто-то большой. Ой-ой, как же это, а? Лесочка тоненькая, я прям физически ощущаю, как она натянулась. Дед за спиной, заметив, как напряглась моя спина, подшагнул ближе, скрипнув снегом, и задышал мне в ухо, склонившись над самым плечом и обдав меня крепким махорочным духом.

Я не обращал ни на что внимания – там, в лунке, кто-то большой и сильный упирался и не хотел выходить наружу. Таааак, аккуратненько... как же сильно вниз давит! Леска звенит, опасно приближаясь к краю лунки, пальцы чувствуют ее тонкий, на грани слышимости, звон, дед шумно дышит в ухо. Хорошо хоть советов не дает...

– Ты это, вниз его, вниз, лески ему дай, пусть погуляет – дед как подслушал мои мысли и тут же завел шарманку. Второй дед так и не повернулся, продолжал усиленно качать мормышку. Терпеть не могу, когда под руку говорят!

Рыба вдруг немного ослабила давление и уверенно пошла вверх, к лунке. Я тут же начал быстро выбирать слабину, леска кольцами сворачивалась на льду у моих ног, дед уже дышал как взволнованный секач на случке...

Вода из лунки пошла верхом, в неверном рассветном полумраке я увидел большую лобастую голову... Язь! Только бы вытащить, я тогда сегодня вообще могу больше никого не ловить! Кому я взмолился, я не знаю, но язь вдруг устремился вверх по лунке, и я выхватил его из воды. Ух!

Прогонистое блестящее серебром тело забилося в руках, упало на лед. Язь запрыгал, собирая на себя снег и вызвав у деда за спиной восхищенный выдох:

– Ух ты е! Это ж... Ну ты...

Его напарник хмыкнул совсем уж осуждающе. Поднялся, подхватил бур и пошел буриться в другое место. Я же готов был плясать от счастья. Язь! Первый в жизни! Зимой! На мормышку!

– Батя, я язя поймал! – я гаркнул так, что весь плес повернулся в мою сторону. Мужики улыбались. Они очень хорошо понимали мои эмоции. Батя глянул на меня сурово, кивнул и вернулся к своей удочке, но я-то видел, как он улыбается...

Солнце показалось над тайгой, и морозец окреп. Так всегда почему-то зимой – выходит солнце, и мороз прижимает особенно сильно. Ненадолго, но крепко. Но я мороза не ощущал, мне было жарко! Язь уже затих, прихваченный холодом, и я взял его в руки, обтер ладонью снег, любуясь его ярким серебряным блеском. Красавец!

Дед, стоявший за спиной, уже вернулся к своей удочке, и я остался один на один со своей радостью. Даже как-то немного обидно, что никто со мной вместе не радуется. Ну да ладно, пора продолжать...

Лунку затянуло тонким ледком, пришлось ломать его черпаком. Мормышка нырнула в потемневшую на солнце воду, ушла ко дну. Я играл и так, и эдак, менял скорость и ритм, пробовал в полводы... тщетно. Ни одной полкевки больше. «Ну я это... пошутил же... Пусть еще клюнет кто-нибудь, а?» – обратился я неизвестно к кому. Но этот кто-то меня не услышал. Ни единой поклевки.

А плес жил своей жизнью. Народ перемещался, общался, восхищенно матерился на рассвет. Кто-то сходил к лесу и затеплил костерок, к которому потянулся народ со всего плеса, и закипели разговоры.

Кто о знакомых рассказывал, кто на начальника жаловался, кто на жену... Пошел по кругу первый читок, за ним второй... Всегда так на рыбалке. Батя пришел с нашим походным котелком, начерпал в него воды из лунки и пристроил к огню. Вовка пришел следом, достал из кармана газетный кулек, протянул отцу – в том кульке Вовкин фирменный чай. Старший сын у Вовки служит в Тихоокеанском флоте и регулярно шлет отцу посылки с диковинами со всего света. А Вовка большой ценитель хорошего чая, и сын его, Серега, в каждой посылке обязательно присылает ему чай. И не просто какой-то чай, а чай флотский, тот самый, ностальгический. Вовка служил на флоте и флотский чай ни на что променять готов не был. К слову сказать, чай был и правда хорош...

Народ у костра собрался в основном бывалый, разговоры перемежались солеными шуточками и взрывами хохота... Все это говорило только об одном – рыба не клюет не только

у меня. Но этот факт никого особо не расстраивал – не за рыбой мы на рыбалку ездим, точно вам говорю. Солнце поднялось окончательно, снег засверкал тысячами блессток, заставляя щуриться. Поднялся легкий ветерок, и я тоже пошел к костру, греться.

Оба деда были уже там. Хмурый, увидев меня, насупился сначала, но потом хлопнул меня по плечу тяжелой рукой, затянутой в шубенку, подмигнул заговорщицки и прогудел густым басом, обращаясь к присутствующим:

– А малец-то того, с утра поел чего-то... большой ложкой.

Народ заржал, посыпались предположения, чего именно я наелся, кто-то спросил, не осталось ли у меня еще.

– Так у деда спросите, у него много – я не собирался безропотно терпеть насмешки.

Над плесом повисла тишина. Батя невозмутимо заваривал чай, Вовка подкладывал в костер сушняк. Дед, так и не убравший руку с моего плеча, внимательно вглядывался в мое лицо пару секунд, а затем вдруг захохотал, закинув голову и задрал к небу клочковатую бело-снежную бороду. Народ грохнул следом, кто-то толкнул деда локтем:

– Как он тебя, Михалыч, а? Уел, уел...

Второй дед, тот самый, махорочный, хрипло прокашлялся и провозгласил:

– Еще один Соболев объявился. Валер, это ж твой?

Батя разогнулся, хрустнул спиной и ответил:

– А то не видишь...

– Вижу, как не видеть, ваша порода, языкатая...

Кто-то заржал, кто-то спросил:

– А старшего чего с собой не привез?

– А старший в забое, уголек рубает.

– Ты смотри, династия прям. Ты-то в шахту пойдешь? – это уже ко мне.

– Не, нечего там делать.

– А куда ж ты пойдешь?

В разговор вступил батя:

– А ты с какой целью интересуешься?

Спрашивальщик не смутился:

– Ну как же, у меня вон дочка растет. Парень толковый, обженим махом...

– Много вас таких женильчиков. Не, мы просто так за здорово живешь жениться не станем. Вот ежели бур свой в приданное дашь, тогда еще подумаем...

Со всех сторон полетели советы, чего еще надо запросить и как ловчее жениться. И тут откуда-то из-за спины раздался неуверенный голос:

– Мужики, у меня это... лунка замерзла. Кинет кто-нибудь палку?

Плес грохнул. Плес жажнул. Плес заржал так, что с елок в дальнем лесу посыпались иголки. Молодой паренек в очках и явно большом треухе ошарашено смотрел на ухохатывающихся рыбаков. Дождавшись, когда установится относительная тишина, он очень серьезно спросил:

– Мужики, ну лунка-то мерзнет. Есть у кого палка?

Его вопрос потонул в общем хохоте. Отсмеявшись, Вовка подошел к пареньку, протянул ему бур:

– Бури новую. Только старую не разбуривай, ножи посадишь. И вообще... если старая лунка перестала нравиться, ищи новую.

Кто-то неподалеку зашелся в хохоте пуще прежнего, мужики загомонили, зашумели.

Паренек, увидев в Вовке родственную душу, спросил:

– А чего все смеются?

Вовка, не желая обидеть паренька, отговорился:

– Да не обращай внимания, настроение у народа хорошее, вот и ржут как кони. Ты вот скажи лучше – тебя как зовут?

– Вовка – парень отчаялся что-либо понять и настаивать не стал.

– Тезка, значит. А работаешь ты где, Вовка?

– На почте – Вовка поправил очки на переносице и шмыгнул носом.

– Печкин! Как есть Печкин! – дед Михалыч размашистой походкой подошел к двум Вовкам. – Быть тебе Печкиным, сынок.

– Так и знал – Вовка вздохнул, махнул рукой и пошел бурить лунку...

Вот так Бедариха окрестила никому до той поры неизвестного парня Вовку. Раньше он был просто Вовка, а теперь – Печкин! Еще одна легенда родилась на Бедарихе. А сколько их таких было? Сколько еще будет? Я неподалеку от Бедарихи нырял в промоину, и вытащили меня, зацепив буром. Батю на Бедарихе все знают как самого уловистого, а Вовке дали прозвище Врунгель за его бесконечные рассказы про флот. Деда Михалыча все уважительно именуют Батей – он тут самый старожил. Когда перестанет на лед ходить, почетный титул Бати перейдет к другому такому же заслуженному. До Михалыча почетным Батей был совсем невзрачный с виду дедок Гаврилыч. Он был навроде хозяина плеса. Костерок всегда делал, чаем угощал, если кто без пайки на льду оказался. Подойдет к каждому, о жите-бытье спросит. Когда помер Гаврилыч, всем плесом хоронить ездили... А здоровенный рыжий мужик отзывается на Малыша. Этот Малыш на спор три десятка лунок за раз бурнул, всему плесу хватило...

Солнце обливало плес и наши плечи нежаркими совсем лучами, обещая скорую весну. В тайге на берегу разрывалась кукша и дробно долбил дятел. В Иганино лениво брехали псы да мычали в стайках коровы. У костра заваривался неспешный разговор. Вспоминали былое, надеялись на лучшее. А мы устроились пить чай и встречать новый день нам Бедарихе...

Белки

Дорога до зимовья отняла у нас гораздо больше времени, чем должна бы. А все потому, что в этот раз взяли с собой Сашку, Вовкиного внука. Малец живет в городе и к деду в деревню выбирается не каждый год, а в тайгу так и вообще впервые попал. И от этого любопытству его не было предела. Поехали мы на двух квадроциклах, и возможностей для обзора у мальчишки было хоть отбавляй. Вот он и крутил головой во все стороны и засыпал нас вопросами. С десяток раз мы останавливались, то ежика показать, то душистой земляники набрать, и в итоге к зимовью подъехали уже в густых золотистых сумерках.

Зимовье привело Саньку в восторг. Еще бы: крепкая приземистая изба из красной сосны с маленьким окошком и прочной, открывающейся наружу дверью. Внутри вдоль всей дальней стены широкие нары, в углу у входа буржуйка, у слепого окошка отполированный нашими локтями стол. Над окошком – полка, на которой стоят жестяные банки с солью, крупами, макаронами, приправами и заваркой. В дальнем от печки углу Вовка устроил пирамиду для ружей – двадцать календарей на флоте дают себя знать, порядок Вовка любит во всем.

Место для зимовья Вовка выбирал долго, и выбрал на славу. Обширная, ровная как стол, поляна посреди векового сосняка. Рядом в небольшом логу бежит родничок с ледяной водой, в паре километров раскинулось большое озеро с добрыми окунями и золотыми карасями. На самом краю поляны – густые заросли дикой смородины, и ее густой дух, смешиваясь с запахом сосновой смолы и ароматом белых грибов, кружит голову. На пятачке перед зимовьем выложено речными окатышами костровище, устроен таган, а рядом стол с лавками. Чуть в стороне на высоте трех метров над землей устроен лабаз.

– Деда, деда, а это там шалаш наверху? – Санька первым соскочил с квадроцикла и теперь носился по поляне в поисках чего-нибудь интересного.

– Нет, это не шалаш, это лабаз. В нем мы продукты храним, от зверья подальше. Давай-ка помогай лучше вещи в избу стаскивать.

Мальчишка кивнул и принялся таскать пожитки. Через время, когда на тайгу упала бархатная августовская ночь, и над головой засияли крупные, сочные звезды, перед зимовьем вовсю горел костер, над огнем булькал густым варевом большой котелок, а рядом напаривался второй, поменьше. В нем фирменный Вовкин чай, со смородиной и курильским чаем. Санька, уставший и счастливый, молча смотрел в огонь, а я суетился, спеша устроить ночлег. Вывесил для просушки недалеко от огня набитые мягким сеном матрасы, вымел избу, натаскал воды... да мало ли забот в тайге? Вовка присматривал за варевом и заодно чистил и смазывал верное ружье – МЦ 2112, попутно рассказывая внуку его устройство.

Вообще называть дедом пятидесятилетнего Вовку у меня язык не поворачивается. Невысокий, коренастый, с копной смоляных волос, едва тронутых сединой, и яркими синими глазами, Вовка всегда был душой любой компании. На спор подтягивался на одной руке три десятка раз, знал огромное количество песен и виртуозно играл на гитаре. В деревне его крепко уважали за рассудительность и надежность.

Управившись с делами, я присел у костра:

– Товарищ кок, когда еда?

Вовка положил ружье на стол и приподнял крышку котелка. Над поляной тут же поплыл умопомрачительный аромат. Зачерпнув из котелка, он снял пробу, довольно крякнул и накрыл его крышкой.

– Еще минут десять, и будем ужинать. Санька сглотнул набежавшую слюну. Шутка ли, с самого утра кусочничать.

– Что, Санек, липнет брюхо к спине?

– Липнет, ага. Деда, а тут медведи есть?

– А как же, есть конечно. И медведи, и лоси, и волки есть.

Санька сделал большие глаза:

– Ух ты! А не придут они сюда?

– Нееет, здесь им делать нечего. Зверь человека боится и первым почти никогда не нападает. А у нас тут еще и костер. Они запах дыма далеко чуют и стараются не подходить.

Санька помолчал немного и спросил:

– А если придут, мы в избе спрячемся?

– Ну если придут, то спрячемся конечно.

– А зачем? У тебя вон какое ружье, да и у дядь Вали тоже.

Дядь Валя это я, стало быть.

– Ну и что, что ружье? Что ж теперь, каждого зверя стрелять, коли ружье есть? Нет, внучек, ружье оно не для этого.

– Но ты ведь охотишься, бьешь зверя. А говоришь, не для этого. А для чего тогда?

Вовка унес ружье в избу, вернулся и сел к костру, задумчиво глядя в огонь.

– Вот если, скажем, медведь на тебя напасть решит, тогда да, ты должен себя защитить. А если он просто посмотреть пришел, кто к нему в гости пожаловал? Тайга ведь его дом, не наш.

Санька внимательно слушал деда, готовясь спорить.

– Ну а охота? Ты ведь не защищаешься?

– Это когда как, иногда и для защиты охотимся.

– Это как?

– А вот, к примеру, начали волки скот резать? Или в деревню зашли и собаку съели? Или зимой медведь в деревню пришел? Если медведь зимой не спит, значит, не нагулял он жиру. Значит, голодный и злой. Таких шатунами называют. И вот он с удовольствием тебя съест.

– И что делать с ним?

– Стрелять – спокойно ответил Вовка и, сняв с тагана котелок, выставил его на стол. – А вообще тайгу нужно беречь. Зверя зря не бить, не брать от тайги больше, чем тебе нужно. Ну все, пора ужинать и на боковую, завтра рано встаем.

Через пару минут мы с Вовкой только посмеивались, наблюдая за мальцом. Голодный Санька, обжигаясь, хватал с ложки похлебку и блаженно шурился. Оно и немудрено, аппетит мы в тайге нагуляли зверский.

Когда мы уже пили чай вприкуску с медом, а Вовка наигрывал что-то на гитаре и вполголоса себе подпевал, Санька вдруг насторожился.

– Деда, а кто это кричит?

Вовка прижал струны руками и вслушался в ночную тайгу. Потрескивал костер да шумел в верхушках деревьев поднявшийся к ночи ветерок.

– Тихо вроде...

– Да нет, вот же!

И тут я услышал.

– Это белки, Сань... Вот только чего они ночью-то?

Через мгновение белки стрекотали уже прямо над нами. Вот они одна за одной спустились на землю и устремились прочь, куда-то в сторону озера. Еще через мгновение из ночной тайги прямо на нас вылетел лось, шарахнулся в сторону и скрылся в темноте. А потом мы разом уловили острый запах гари и услышали низкий гул.

– Ой, беда – протянул Вовка, и тут же вскочил:

– Пожар! Тайга горит! Быстро, быстро!

Бросив гитару, Вовка метнулся к квадроциклу, я следом. Обалдевший Санька растерянно топтался на месте, в широко распахнутых глазах плещется ужас.

– Санька, не стой столбом, садись на машину! – Вовка забежал в зимовье и выскочил с ружьями и нашими рюкзаками, благо разбирать их мы не стали. Бросил мое ружье мне, рюкзаки приторочил за спиной.

Я подхватил гитару, но Вовка крикнул:

– Бросай, мешать будет.

Гул нарастал, где-то за спиной ревели пламя, в воздухе висел удушливый дым, плавали хлопья гари.

Я метнулся к бадье с водой, зачерпнул полное ведро и опрокинул на Вовку, потом на Саньку и на себя.

– Готов?!

Я кивнул и вскочил в седло утробно урчащего квадрака.

– В деревню прорываемся! Надо предупредить, чтоб обкапывали... Ой, беда...

– Может, лучше к озеру? Пал наперерез идет!

– Прорвемся!

Застрекотали движки, и мы сорвались с места.

– Санька, держись крепко!

Врубив фары, мы рванулись назад по дороге, по которой приехали. Справа от нас гудел и ревел пожар, но до него было не так близко. Тайга пластала, тайга горела. Свечами вспыхивали сосны и елки, заливая все вокруг красным светом. Мы вырвались из сосняка, и стало чуть легче дышать. Глаза слезились, и как Вовка умудрялся видеть дорогу, я не знаю. Из тайги вдруг полыхнуло жаром, листья на ближайших осинах свернулись в трубочку.

– Газу!

Мы мчались по дороге, подпрыгивая на выпирающих из земли корнях и едва не вылетая из седел.

– Левее! Вовка, бери левее! – я пытался перекричать рев пламени.

Вовка оглянулся на меня, бешено сверкнул глазами и выкрутил газ на полную.

– М-мать! – выругался я и рванулся следом. Поперек дороги то и дело вылетали птицы, спасаясь от огня. Они бестолково металась между деревьев, не зная, как укрыться от жара. На дорогу выскочил еще один сохатый, безумно вращая глазами. Увидел нас и рванулся в сторону.

– Вовка, там тоже горит! Лось оттуда! Не прорвемся!

Вовка сцепил зубы и резко остановился.

– Куда, куда?... – он крутил головой.

– Давай за мной! – я развернул квадроцикл и устремился назад. Только бы успеть, только бы проскочить...

Дорога, ведущая на озеро, даже не дорога, а тропа, появилась внезапно. Я свернул на нее и выкрутил газ. Пожар был совсем близко. Но здесь недалеко есть скальный выход, Чертова Горка, он возвышается над тайгой на добрую сотню метров.

Вовка понял мою задумку и тоже прибавил скорости. Вокруг уже бушевало пламя, с ревом пожирая хвойный лес. Рев, треск, гул, мечущиеся в панике птицы... все живое стремилось спастись. Когда фары выхватили из темноты подножие скалы, дым уже почти разъял глаза. Мы все надсадно кашляли, грудь раздирали от едкого дыма. Наверх вела пешая тропа, забраться туда на квадроцикле было невозможно. Придется бросать технику.

Загнав оба аппарата как могли высоко, мы соскочили на землю и устремились вверх. Жар перехватывал дыхание и подгонял нас вперед. Вовка пер оба наших рюкзака, Саньке досталось его ружье, я нес свое и канистру с водой, которую так удачно не стал отвязывать.

Вовка вдруг остановился, выхватил канистру и облил нас всех.

– Дышите через мокрую одежду – прохрипел он и побежал вперед. Санька начал спотыкаться через пару десятков шагов. Я подхватил его, взвалил на плечо и побежал вверх. Легкие

уже не работали, просто хрипели, пытаясь ухватить еще немного воздуха. Жар стал просто нестерпимым...

– Слава Богу! – прохрипел я, почувствовав на коже легкое дуновение ветра. Здесь, на высоте, ветер сносил в сторону дым и гарь.

– Не останавливайся – прорычал Вовка. – Дай сюда!

Он отобрал у меня ружье и уложил его на камни, следом отправил свое и оба рюкзака.

– Здесь не сгорят – пояснил он сухим, надтреснутым, почти не слышным голосом...

Мы сидели на вершине скалы и смотрели на развернувшуюся перед нами драму. Нас окружал океан огня, в небо рвались столбы густого белесого дыма, в котором металась сошедшая с ума птица. Деревья вспыхивали как спички, и ветер только разгонял пожар, который распространялся со скоростью мчащегося поезда. Как мы умудрились вырваться, я не знаю.

– А деревня сгорит, деда?

– Не должна, внучок... не должна...

– Как страшно... – еле слышно просипел Санька.

Мы с Вовкой молча переглянулись. Закопченные, с обгоревшими волосами и ресницами, с красными от едкого дыма глазами и почти потерявшие голос, мы в отчаянии смотрели вниз.

– Ружья надо забрать – просипел Вовка.

– Сам же сказал, не сгорят....

– А ты думаешь, мы одни здесь спасаемся? Я не уверен.

Отпив немного воды из полупустой канистры, Вовка поднялся и побрел вниз.

– Санька... сиди здесь... мы быстро.

– Они же горят там... – не слыша меня, прошептал Санька. – Все... лоси, медведи, зайцы...

Когда мы вернулись, с трудом волоча на себе ружья и рюкзаки, Санька все так же потрясенно смотрел на полыхающую тайгу.

– Деда... а они все сгорели, да?

Чуть помолчав, Вовка ответил:

– Да, все. Нельзя спастись... Разве только до озера добежали...

– Деда... а мы не сгорим? – Санька уставился на Вовку полными ужаса глазами.

– Теперь нет...

– Деда, а как тушить? Ведь все сгорит!

– Самолетами, Санька, только самолетами. Хорошо бы дождь...

– А они прилетят? – в глазах мальчика засветилась надежда.

– Прилетят, Санька, обязательно прилетят...

В Сибири уже не первый месяц горят 3 миллиона гектаров тайги. Самолеты прилетели только сейчас...

Борзый

Раннее – раннее утро, почти ночь. Густой белый туман висит над рекой, прячется в дремучей тайге по берегам и холодит кожу. Крупные звезды уже почти не видны. Скоро рассвет. Август в том году выдался на редкость контрастным: днем жара, ночью же зябко.

Пахнет остывшей за ночь травой, тайгой и грибами. Я сижу у костра и пью чаек со смородиновым листом. Благо смородины в этих местах богато... Я жду. Скоро солнце покажется над горизонтом, разгонит густой таёжный сумрак и растопит туман.

Я приехал сюда вчера под вечер, наслушавшись рассказов о местных рыбных богатствах. Взял и поплавочки, и спиннинги – разведывать, так по полной программе!

Начать решил с поплавка. Рогульки под удочки я вырезал и установил еще с вечера, облюбовав уютное местечко под раскидистым тальником. Черви накопаны, манка замешана... пора.

Быстро наживил и забросил обе удочки. Поплавки еле видны в неверном утреннем свете, туман чуть приподнялся над водой... тихо. Только комары пищат звонко и где-то в тайге за спиной что-то похрустывает. Ожидание первой поклевки всегда особенное, а уж на новом месте... В голове невольно крутятся мысли о рассказах друзей про эту речку: и окуни со щуками, и вездесущие караси с плотвой, и даже лини и пескарь встречаются в этой речке.

Речка неширокая, метра четыре. Берега густо заросли тальником и черемухой, а дальше – глухая тайга. Течение местами почти неощутимое, есть омутки и небольшие перекаты. Очень интересная речка. Там, где я раскидал снасти, глубина около двух с половиной метров, а под тем берегом течение.

Зеркальная гладь воды отражает в себе небо и склонившиеся над водой кусты. Поплавки застыли недвижимо... и вдруг правый поплавок качнулся. Сердце сбилось с ритма и начало разбег. Рука помимо воли метнулась к удочке... Поплавок завалился на бок и стремительно пошел в сторону! Подсечка, рывок, недолгое сопротивление и золотой карась заворочался в траве, тяжело шлепая хвостом. Отлично. Удочка заброшена, и ожидание новой поклевки, еще более жгучее) Я настолько увлекся рыбалкой, что не сразу услышал странные звуки за спиной. Повернувшись, я обомлел.

Здоровенный рыжий котиче самым наглым образом поедал моего карася, придавив его лапами к земле и прижав уши. Откуда он тут взялся? До ближайшей деревни километров 5! Увидев, что я его заметил, котиче и не подумал убежать. Он злобно на меня ощерился, сверкнув глазами и напружинившись, как для броска. Ах негодяй! Ну поделом, надо рыбу в садок убирать. Я протянул к нему руку, будто бы собираясь забрать рыбу. Ух как сверкнули глазищи! Желтые с огромными зрачками, усы встопорщены, уши прижаты к голове. Котяра отмахнулся от меня лапой с растопыренными когтями и утробно зарычал. Поняв, что я на его (уже его) добычу всерьез не посягаю, рыжий продолжил смачно хрустеть карасиной головой. Я решил ему не мешать и вернулся к рыбалке.

Поймав еще с пяток карасей, решил разведать хищника. Собрал снасти и пошел за спиннингом. А котяра тем временем доел карася и устроился... в моей палатке на спальнике. Ну дружок, это уже наглость. Я выгнал его из палатки (котяра недовольно фыркнул и царственно удалился, нервно подергивая кончиком хвоста), застегнул ее (как и пролез, ведь сетка была застегнута) и отправился выше по течению. Котяра остался в лагере, завалившись прямо на траву у костра.

Я нашел прогал в плотной стене кустов, осмотрелся. Хорошее местечко. Омуток метров шесть в диаметре, по краям зарос кувшинкой. Кусты над самой водой, конечно, не способствуют забросам, но на таежных речках всегда так). Поэтому и спиннинг взял короткий. Первый заброс вдоль берега. На поводке – любимая вертушка. первая проводка. Тишина. Заброс, проводка... исхлестав омуток во всех направлениях, решил сменить наживку и поставил

поппер. Заброс. Поппер рывками пошел по поверхности, с бульком разбрызгивая воду. Есть выход! Окунь метнулся к попперу, удар, рывок и окунь на берегу. Темно-голубой, с яркими контрастными полосами и оранжевыми плавниками и хвостом, он встопорщил спиной плавник и прыгал на траве. С почином! Новый заброс и снова окунь.

Я пошел дальше – хотелось и щуку найти. Следующее удобное для подхода к воде место я нашел метров через триста. Здесь – другая картина. Ширина реки метра четыре, трава полщется на течении вдоль берега, в середине видно порядочную глубину. Снова цепляю вертушку и на третьей проводке под самым берегом удар! Фрикцион завизжал, сматывая шнур. Я подтянул его, вынуждая рыбу притормозить. Да, неудобно здесь бороться – ветки нависают над водой, очень ограничивая свободу маневра. Но куда деваться? Началась возня. Щука металась в разные стороны, делала свечки и трясла головой, пытаясь выплюнуть блесну. А я не давал ей запутать шнур и постепенно выматывал. Щука попалась большая, не меньше восьми кило на глаз. Ну за десять минут я ее уговорил все же. Багорика и подсачека при себе нет, берег обрывистый и скользкий. Та еще задачка. Я подтянул уже почти не бьющуюся щуку к самому берегу. Она смотрела на меня своим черным глазом и ждала момента. Но я ученый и щучий нрав знаю хорошо. Изогнувшись невозможным образом, я схватил щуку сразу за головой. Она забилась и чуть не сбросила меня в воду! Вот это экземпляр! Наконец щука на берегу. Оба дышим как загнанные лошади, а в груди у меня пожаром разгорается счастье. Вот она, большущая щука из маленькой таежной речки, лежит на берегу и хлопает хвостом по земле, собирая на себя мелкий лесной мусор. Отдышавшись, я пошел к палатке. Разведка состоялась.

По пути я думал, как там мой котик? Наглая рыжая морда с несносным характером.

Рыжий был на месте. Встретил он меня широким зевком во всю свою немаленькую пасть с внушительным набором зубов. Встал, потянулся и пошел обнюхивать мою добычу. В глазах его явно читалось, что щука точно принадлежит ему. Ну нет, это моя добыча. Я опустил всю рыбу в садок к карасям. Котяра с явным сожалением во взоре проводил щучий хвост, скрывшийся в садке. Потом посмотрел на меня. Посмотрел как на предателя. Я усомнился и достал ему одного окунька. Рыжий с достоинством подошел к угощению, обнюхал, аккуратно взял в зубы и понес к костру. Это ж надо. Он тут уже обжился, я смотрю. Ну-ну...

Чуть позже, оживив костерок, я принялся кашеварить. Почистил пару карасей и зажарил их. Запек картошки, заварил чай. Как же вкусно все это на природе. Самая немудрящая еда вызывает просто вкусовой взрыв! Котяра все это время внимательно за мной следил, лениво развалившись на бревнышке у костра. Пообедали, попили чаю. Кот не пил, конечно, но компанию составил.

После обеда я прилег немного отдохнуть, и размышления мои крутились вокруг наглого пришельца. Неужели в лесу живет этот рыжий красавец? Большой, на высоких ногах, уши порваны в драках, но чистый. Темные полосы выделялись на ярко-рыжей шерсти, делаая его похожим на тигра. Морда... наглая у него морда. Взгляд надменный и очень умный. Такой голодным точно не останется. Или бурундука какого поймает, или у рыбака рыбу отожмет.

Так за размышлениями я незаметно уснул. Великое удовольствие так вот днем подремать в теньке. Легкий ветерок качает листву, гоняя тени по лицу и освежая, жужжат насекомые, тренькает кузнечик, птички поют... а запахи какие вокруг! Благодарь...

Проснулся я, просто открыв глаза. Котяра спал у меня под боком, уютно свернувшись калачиком. Я шевельнулся, и он открыл глаза, глядя на меня недоуменно. Потянулся, встал и вышел из палатки. Вот наглец, хоть бы спасибо сказал.

Вечерело. Солнце уже не жарило так яростно, в воздухе разлилось такое ласковое предвечернее тепло. И мы пошли на рыбалку. Котяра (про себя я решил дать ему имя «Борзый») вышагивал передо мной, задрав хвост трубой и встопорщив усы. Ни дать ни взять ведет своего человека на прогулку.

Зорьку я решил посвятить поплавку. Пара карасей не утолили моего любопытства, я хотел линия. Борзый, судя по всему, был не против.

На обе удочки я насадил червей, оставив манку до времени в сторонку. Поплавки закачались на воде. Борзый зачарованно смотрел на них, не мигая. Неужто понимает, что к чему? И вот поплавок запрыгал. Котяра вскочил, заметался вдоль берега, поглядывая на меня и громко басовито урча. Ого! Точно рыбачок!

Я подсек и выволок на берег тяжело ворочающегося карася. Котяра метнулся к нему, обнюхал и отошел в сторону. Хм. Ну да, это ж не линь.

Так мы и рыбачили. Линя так и не поймали. Увидев, что я собираю снасти, кот молча ушел к палатке, предоставив мне самому тащить все снасти. Но я не в обиде – линия ведь не поймал...

Я прожил в этом месте еще пару дней. И все это время меня преследовала мысль о Борзом. Я уже просто не мог его бросить одного на берегу. За эти три дня он ни разу не позволил себя погладить, он вымогал у меня рыбу и теснил меня в палатке. Но я к нему привязался. Кот по своему обыкновению все решил сам. Он просто ушел. Я проснулся утром и не нашел его. Искать не стал...

Эта история случилась лет десять назад. И все эти десять лет я приезжал на рыбалку в это место, один или с друзьями, летом и зимой. И каждый раз Борзый молча появлялся у костра и отжимал у нас рыбу. Проводил с нами пару дней и снова удалялся. Зимой он становился нереально пушистым, прыгал по сугробам и грелся с нами у костра. И никогда никому не позволял себя погладить или тем более взять на руки.

Этой зимой он не пришел.

Будет день

...Ночевки в тайге бывают разными. Бывают легкими и светлыми, июльскими. Когда солнце совсем ненадолго уходит за горизонт, накрываясь облачной периной, самым ее краешком. В такие ночи в тайге как-то по-особенному тихо и торжественно, звонко. Каждый звук выделяется, вплетаясь в общий таежный хор. Похрустывают сучки под чьими-то шагами, вздыхает кто-то глубоко и мощно, верхушки деревьев чуть шелестят под легким ветерком – полуночником.

Звездное небо огромным куполом накрывает тебя с головой, купает в звездном свете. Ты лежишь на спине, закинув руки за голову и вглядываясь в небо. А звезды кружатся над тобой, застревают в кедровых кронах. Потрескивает костерок, сучья изредка громко трещат от жара и нешумно закипает вода в котелке – будет чай...

А бывают таежные ночи тихими, тревожными. Все вокруг замолкает, даже комары падают в траву раньше обычного. Напряженное небо с одного края затянуто черными грозовыми тучами, подсвеченными снизу багровым отсветом заката. Временами где-то далеко глухо ворчит гром, прокатываясь по небу большими валунами. Налетевший резкий порывистый ветер до треска и скрипа раскачивает вдруг сосняк и вновь успокаивается. Не поют ночные птицы, но вся тайга как будто гудит, волнуется. В воздухе, густом и душном, висит ожидание грозы. И черный вал туч все ближе, накатывается, давит. Тишина уже становится почти невыносимой...

И внезапно из-под туч как будто из открытого притвора ударяет тугой поток влажного ветра, насыщенного, наполненного запахом дождя и озона! И гроза вступает в свои права, раскатисто и гулко, как гуляка ногой в дверь, бьется в стенки палатки, качает ее. И изломанные тени деревьев во вспышках молний резко очерчиваются на земле. Ветер неистовствует, гонит воду из реки на берег, дождь плетьюми стегает землю, будто наказывая за что-то. А потом все успокаивается, проносится дальше. И всю ночь идет мерный дождь, утешая истерзанную тайгу и давая ей новые силы. А утром теплое ласковое солнце, и ничто не напоминает о ночном буйстве.

...Но бывают и другие ночи в тайге, какие-то нереальные. Такой была эта ночь. День до этого мы шли. Шли через болото, проваливаясь порой по пояс в черную жижу. Затянутые тиной и ряской глубокие бочаги тускло отсвечивали в неярком солнечном свете. Влажная духота и клубящиеся роем комары не давали вдохнуть полной грудью. Сил не было даже на то, чтобы отмахиваться от них. Только на следующий шаг. И еще на один. И еще... И так шаг за шагом. Вокруг скрюченными пальцами торчат подгнившие березы, и не видно края этому проклятому болоту. Вот так срезали путь...

Началось все буднично – мы решили сбегать на лесное озеро за здоровенными окунями. Обычно путь туда занимал часа три через старый горельник, по гриве и потом самым краем ряма, густо заросшего клюквой. Но мы решили срезать путь, оставить себе побольше времени на рыбалку. Поспешить – людей насмешить. Вот и срезали. Первые пара километров внушила нам море оптимизма -идется легко, и мы шли, предвкушая знатную рыбалку. А потом вокруг вдруг как-то сразу стало меньше растительности, стали попадаться голые березки. Ну нас болотами не напугать, много мы их видели. Да и не возвращаться же, столько уже отмахали. Передохнули чутка и в путь, форсировать болото. Вырезали себе по жердине (в кино ж видели), чтобы дно прощупывать, и пошли. Шли друг за другом, цепочкой. Впереди Санька, я за ним. Санька – давний мой товарищ по всяко-разным таежным забродам, тайгу любит и ходить по ней умеет. Крепкий, подтянутый, молчаливый и надежный, как топор (надежнее топора в тайге только нож).

Пошли не спеша. Кто его знает, насколько оно большое, это болото. По всем прикидкам не должно оно быть большим. Хотя вокруг – Васюганье, самая большая в мире система болот.

Идем и идем. Поначалу переговаривались. Потом Санька замолчал, тяжело отдуваясь. Да и я уже не очень был способен на разговоры. Через час ходу остановились отдышаться – тяжело нам дается этот переход, ох тяжело... Только мы остановились, и комары тут же покрыли нас густой шапкой, норовя залезть в рот, нос, глаза и уши. Ааа, зараза! Делать нечего, нужно идти... Еще через час я начал волноваться – болото уже должно было кончиться. Но поглядев по сторонам, я разочарованно вздохнул – края не видать. Все те же голые березки и пожухлые кусты, все те же бочаги и кочки. Мы были мокрые насквозь. Солнце постепенно миновало зенит, а мы все шли и шли. Стало понятно, что мы заблудились. Санька, идя впереди, отпустил направление и ушел с курса. А я как телок на привязи шел за ним, не сверяясь с ориентирами. Первое правило заблудившегося – стой. Стой там, где понял, что заблудился. Не мечись по тайге, не пытайся найти путь обратно. Остановись и успокойся, осмотришься. Вспомни, что видел по дороге (неплохо бы еще иметь привычку по пути подмечать ориентиры). Отдохни, привяжись к местности и только после этого решай, что делать дальше. И если не уверен в том, что понял, как выйти – сиди на месте. И если тебе хватило ума перед выходом в тайгу сообщить кому-нибудь, куда именно ты идешь и в каком квадрате будешь находиться – тебя найдут.

Но к нам это правило было неприменимо – в болото невозможно просидеть долго, нужно выбираться на сухое, разводить костер и думать, как выбираться назад. О рыбалке мы уже забыли. И мы шли – мокрые, злые на себя за такую глупость. Благо, всего груза с собой – спиннинги. У Саньки телескоп, ему проще. Мне же приходилось все время следить, как бы не обломать хлыстик обо что-нибудь. Пить хотелось невозможно, но вода в болоте была очень грязной, а с собой не было ничего для очистки.

Солнце постепенно скатывалось все ниже. Время неумолимо близилось к вечеру. Это ж сколько мы уже идем?! Таежники, блин... Так, надо ускориться. Я обогнал Саньку, вручил ему свой спиннинг и пошел вперед, выбрав направление. Я понятия не имел, куда именно нам двигаться, но общая карта местности в голове все равно была. И мы с Санькой рванули. Рванули до хрипа, спеша вырваться из удушливых объятий болота на сухое, где можно развести костер, обсохнуть и просто посидеть, вытянув гудящие ноги и привалившись спиной к теплой сосне...

На сухое мы вышли уже в темноте. Мокрые, вымотанные до предела. Кто не ходил по болоту, не сможет представить каково это – идти так целый день, как заведенный. Потемну собирали валежник для костра, пытаюсь согреться работой – к ночи вдруг резко похолодало. Непослушными пальцами чиркал спичками, пытаюсь попасть по коробку – основательно подморозило. В воздухе ощутимо запахло снегом. Август на дворе, какой снег?! Костерок все же затеплили, набросали в него побольше веток, развешали вокруг одежду для просушки. А сами жались к костру и кипятили чай в солдатском котелке. Странное должно быть зрелище – два полуголых мужика в тайге ночью вокруг костра пляшут. Но нам было не до странностей – согреться бы.

А потом пошел снег. Крупными хлопьями. Какая-то фантазмагория. Ночь, тайга, костер пионерский пылает. Полная тишина и снег меееедленно так падает. Ложится на все вокруг и сразу тает. Как будто нарисованный снег, ненастоящий. Ведь он есть только в воздухе, а на земле нет. Берется из ниоткуда и исчезает. Ни ветерка, ни скрипа в тайге. Полная, абсолютная тишина. И с каждой снежинкой как будто становится холоднее. Одежда еще не просохла, и за валежником мы бегали как в бой – пригнувшись и сжавшись в комок. Снег падал на голую спину и моментально таял, стекая мокрыми холодными дорожками... Бррр!

Закипел чай, разрушая сказку вокруг. Санька быстро снял его с костра, накрыл куском коры – пусть запарится. Мы сидели на корточках у костра и молча смотрели в темноту. Снег налипал на лапы елей и сосен, тяжело пригибая их к земле, начал скапливаться в ямках – земля

остывала... Все так же тихо, только слышно, как шуршат большие разлапистые снежинки, цепляясь друг за друга. И вдруг... кукушка! Ночью... Я о таком вообще никогда не слышал. А она крикнула один раз и замолчала.

– Приснилось что-то, -усмехнулся Санька. Голос его прозвучал как-то чужеродно, неуместно.

Видать его тоже уже начала напрягать это непонятная тишина. Я не стал отвечать.

Мы жались к костру, спасаясь от этого ночного снега и ставшей какой-то чужой тайги. Казалось, что вот сейчас из-за дерева к костру шагнет большой волк. Ляжет, опустив большую лобастую голову на вытянутые лапы, и будет смотреть в огонь. Не знаю, почему именно волк, но так думалось в тот момент.

А снег все падал и падал, отвесно и равномерно, убаюкивая своей неспешностью.

Попили чаю, молча. Тепло костра склеивало глаза – вымотались все же сильно. Сходили еще за валежником, притащили пару хороших бревешек -до утра хватит. Одежда наконец просохла. Какое наслаждение было натянуть на себя горячую сухую одежду! Словами это не передать. Сразу стало гораздо теплее, и в сон потянуло совсем уж неудержимо.

А потом пошел дождь, нудный мелкий ледяной дождь. Я проснулся от того, что мелкие капли холодили лицо. Открыл глаза и сразу увидел Саньку. Он спал, свернувшись калачиком у потухшего костра. Я попытался встать, но тело затекло – я спал сидя, прислонившись к сосне. Кое-как поднявшись, я растолкал Саньку – нужно было снова разводить костер. Не верьте тому, кто скажет, что в дождь невозможно развести костер. Все можно. Особенно когда от костра так много зависит. Каких-то 15 минут стараний, и над поляной поднялся синий дымок. Светало. Утренний холодок пробирался под одежду, липкими пальцами гладил тело, вытягивая остатки сна. Но костерок уже разошелся и всю шипел углями, прогревая все вокруг. Мы побегали по округе, собирая дровишки, но больше для сугрева...

...Августовское утро выдалось солнечным, ярким и умытым. Дождь кончился, и тайга засверкала нежным изумрудом, как будто и не было этой ночной снежной сказки и противного холодного дождя. Снова лето, молодое и искристое! Настроение наше поднялось, и мы отправились искать выход на тропу... и вышли на озеро. То самое. Дошли все же. Ну а раз дошли, не грех и порыбачить.

Окуней мы в тот раз наловили порядочно, крупных, увесистых. И обратно добрались за плановые три часа. Нас уже собирались искать и долго пытали, куда это мы запропастились. Мы отговорились кое-как – неловко было признаваться в собственной глупости. Но потом я все же рассказал. Ибо наш пример другим наука – это еще одно золотое таежное правило. Как и то, что если не уверен – не сходи с тропы. Но главное таежное правило такое: какой бы тяжелой не выдалась ночь, за ней всегда будет день...

Вовка Родео или почти ковбой Мальборо

Охотник Вова неважный. Прямо скажем, отвратительный он охотник. Настолько, что звери в лесу по случаю его приезда устраивают массовые пьянки, и вообще всячески выражают свою радость от встречи с ним. Однажды даже шкуру медвежью подарить хотели, но не смогли медведя уговорить, обошлись приветственной надписью.

А Вова очень хотел быть хорошим охотником, опытным и результативным. И по этой причине всячески старался напроситься с нами на охоты, да и просто в тайгу... ну или вообще хоть куда-нибудь. Как только в нашем тесном коллективе начинались разговоры про выезд куда-нибудь, Вова тут же каким-то волшебным образом узнавал об этом и объявлялся с вопросом: «Ну что, когда выезжаем?». Мы эту Вовину способность вычислили уже давно и уже не пытались выехать без него. Однажды, когда Вовка заболел и с нами не поехал, мы всю охоту чувствовали себя обделенными.

И все бы хорошо, но Вовка был катастрофически, неисправимо криворук. Так вообще не может быть, но так было. За что бы ни брался Вовка, всегда случалась какая-нибудь невероятная ерунда. Однажды мы отправили его за сушняком для костра. Приехали на утиную охоту на несколько дней, выбрали место хорошее и начали табориться. Казалось бы, ну чего проще – набрать валежин и стаскать их к кострищу? Первые подозрения закрались, когда мы услышали мерное тюканье топора с той стороны, куда жизнерадостный Вовка умчался чуть не вприпрыжку. Он вообще всегда очень радовался, когда оказывался в тайге. Нет, мы все радовались, но так искренне и по-детски только он умел. И вот мы разбиваем лагерь и со все возрастающим волнением прислушиваемся к стуку топора. Чего он там рубит-то?

Ответ пришел очень быстро. Раздался дикий скрип, шум падающего дерева и дикий многоэтажный мат. Не сговариваясь, мы рванули в ту сторону. Открывшаяся картина достойна пера певцов апокалипсиса. Вовка, раскинув руки, лежит на спине и стеклянными глазами смотрит в стылое осеннее небо. Топор лежит в паре шагов от него. Большая разлапистая береза накрыла приятно желтеющей кроной табор по соседству с нами, снеся палатку, уронив стол и зацепив нарядный джип. Охотники с того стана громко и цветасто описывали умственные способности нашего товарища, пытаясь выбраться из-под ласково шелестящей листвы.

– Вовка, живой?! – мы бухнулись возле товарища и принялись его торопливо осматривать. На подбородке горе-лесоруба наливалась густым фиолетовым колером шишка, глаза были в полном расфокусе.

– Ж-живой вроде – прохрипел Вовка и попытался сесть.

Мы рванулись к мужикам, помогать. Пострадавших там, слава Богу, не было – береза хорошо тормозила кроной о стоящие рядом деревья. Все время, пока мы помогали устранить последствия Вовкиной эскапады, он сидел под почти облетевшей уже черемухой и приходил в себя. Закончив восстанавливать лагерь, мы с охотниками вместе подошли к Вовке:

– Ты зачем березу свалил?!

Вовка затравленно смотрел на нас, возвышавшихся над ним тесным строем:

– Ну я это... дрова же... ну а чего их по всему лесу собирать? А береза... она же горит хорошо... – закончил он севшим голосом.

– Она живая! – один из охотников, тоже Вовка, гневно указывал на пышную золотую крону. – Живая! Зачем живую березу на дрова, чучело?!

– Ну ты это, зачем чучелом-то? Ошибся парень, бывает – я вступился за товарища, хотя именно те же вопросы крутились у меня на языке. Но своих в обиду не даем, так что нечего.

– Ошибся?! – продолжал бушевать Вова-охотник. – Ошибся?! Зеркало снес и весь бок ободрал!

– Оплатит, не переживай. Живые все, и слава Богу.

В разговор вступил второй охотник, здоровенный мужичина с руками, похожими на совковые лопаты:

– Я думал, он не выживет – он кивнул на нашего Вовку. – когда береза пошла, он ее оттолкнуть пытался, дурень. Ну она комлем ему и сыграла, он метра на два подлетел точно. Как голова не отскочила?...

В общем, с теми охотниками мы замирились, и охота тогда удалась. Вовке, правда, ружье не дали. На всякий случай.

Но как-то учиться охоте ему все же было надо, и мы брали его с собой в тайгу, на рябчика и косача. И под нашим чутким руководством он смог-таки добыть первого в своей жизни рябка. Правда, и тут без казуса не обошлось. Приехали мы на зимовье в Верхне-Кетском районе Томской области. Конец сентября, лист уже упал, тайга прозрачная стоит и такая предзимняя, умиротворенная. Первый день у нас пролетел как птица. Не успели оглянуться, а уже густые осенние сумерки упали на тайгу, спрятали очертания деревьев.

В углу тихо гудит буржуйка – настоящая, чугунная. Ох и намучились мы с ее доставкой сюда, но оно того стоило. Протопишь хорошенько, и сутки тепло держит. В совсем уж лютые морозы разок ночью подкинешь пару полешек, и спи себе дальше. На столе у маленького слепого окошка шипит масленка, тихо скрипит помехами приемник. Мы обсуждаем завтрашнюю охоту. Вовка с горящими глазами вертит головой, слушая то одного, то другого. Он уже там, в тайге, бродит с ружьишкой, ищет своего рябчика. Я сижу у стола, Леха валяется на нарах, Вовка притулился на нарах в углу. В глазах – просто детский восторг и нетерпение. Взрослый мужик вроде, а гляди ж ты... За вот эту его открытость к жизни мы его и любим, дорожим дружбой. Какой бы он нескладный ни был, а человек хороший, наш.

Разговор неспешный, размеренный. Куда спешить? Вот за такими вечерами и разговорами мы и едем в тайгу, в зимовья. Когда вот так сидишь с друзьями вечером, планируешь охоту или просто травишь байки. Пахнет табаком и свежеструганными досками – подновили дверь, чаем пахнет со смородиной и ружейной смазкой. И порохом. Днем постреляли – вечером почистили. Такие простые и такие важные дела, такие любимые заботы...

Утром, наскоро позавтракав, отправились на поиски рябчика. Здесь его что голубей в городе – много. Знай только как подойти, и без трофея не уйдешь. Вовка не знает, поэтому мы с ним в паре в одну сторону пошли, а Леха в другую. Я решил понатаскивать друга на манке да на подход. Отошли от зимовья подальше, остановились. Я достал из-за пазухи висящий на шнурке дедовский еще манок, латунный, звонкий. Посвист и слушаем, ждем. Потом еще. Переход и снова маним. И вот он, долгожданный ответ. Замерли, ждем. Свистнул, рябок ближе отозвался. Перелетает к нам, значит. Вовка уже весь трусится от нетерпения, глаза горят, руки ружье тискают. Я его руку сжал —тихо, мол, не суетись, а сам снова маню. И вот рябчик выпорхнул на сосновую ветку метрах в 10 от нас. Уселся, голову набок склонил, и смотрит. Он на Вовку, Вовка на него.

– Стреляй – не разжимая губ прошипел я.

– Ага – Вовка кивнул и медленно так начал поднимать ружье.

«Уйдет» – подумал я. И не ошибся. Рябчик только что под ноги не сплюнул, когда сорвался с ветки и, петляя, умчался вдаль. Вовка сдуру пальнул ему в угон. Не попал, конечно.

На него было жалко смотреть: глаза полны обиды, губы зло сжаты.

– А чего он? Я же даже ружье не поднял. Как его стрелять-то?!

– Не горюй, Вовка. Тут рябчиков много. И если этот своим не расскажет, возьмем трофей.

Вовка уставился на меня с таким непониманием во взоре, что я смутился – ну нельзя же так...

Следующего рябчика даже манить не пришлось – он вылетел прямо перед нами, уселся на пень и уставился на нас столь нагло, что я даже немного смутился – мы, наверное, на его территорию посмели зайти. Но вот Вовка не растерялся. Он не стал терять время на размыш-

ления, вскинул ружье и жажнул из обоих стволов. Отдача чуть не вырвала ружье у него из рук, я от дуллета под самым ухом чуть не оглох. Я думал, что рябчика разнесло в пух и перья, но нет. Он лежал сразу за пеньком, снесенный туда, как мне думается, ветром от пролетевшей мимо тучи дробин. В голове его зияла маленькая аккуратная дырочка. Из всего заряда в него угодила ровно одна дробинка. Ну Вовка, ну ювелир!

Надо ли говорить, каким счастливым был Вовка? Его глаза светились торжеством, он готов был пуститься в пляс. Да и я, честно признаться, очень был рад за друга.

Вечером мы торжественно варили похлебку из Вовкиного рябчика. И надо было видеть, как теперь уже охотник блаженно шурится, слушая, как мы нахваливаем немудрящую еду...

С той поры много воды утекло, Вовка успел побывать на паре десятков разных охот и даже добыл целую утку. Правда, была она подсадной, и Вовка чуть не был крепко бит, но добыл-то он ее честно!

И с той охоты главной Вовкиной мечтой стало добыть лося. Ни много ни мало. Уверовал Вовка в себя страшно и был готов сойтись с ним даже врукопашную. И случилось так, что мы в очередной раз отправились на охоту в томскую тайгу, на самые севера, в Васюганье. Лось там много, и Вовка об этом знал. Много слышал от наших местных друзей рассказов про охоту на таежного исполина, да и котлеты из сохатого там всегда были на столе.

Особенно Вовку впечатлил рассказ местного егеря Иваныча, который рассказал занимательную историю об охоте на лося вплавь. Идешь, мол, на лодке по реке, а поперек сохатый плывет, только рожищи на водой и видно. И догоняешь его на лодке, на рога ему веревку петель и тянешься за ним. А уже у самого берега догоняешь, ножом по горлу раз и готово. Выходит лось на берег и падает. И ты его тут спокойненько разделяешь, в лодку грузишь и домой.

Слушал Вовка тот рассказ, и губы его шептали, повторяя за Иванычем подробности охоты. Мы тогда на это особенного внимания не обратили. Как же мы ошибались!

... Ясное октябрьское утро. Идем двумя лодками по Кети. От стыллой воды тянет холодом, и мы поплотнее кутаемся в теплые куртки, стараясь курить в покрасневшие ладони. Река спокойная, холодная даже на вид. Вовка с Иванычем идут в первой лодке, мы с Лехой следом. Хабара полные лодки, поэтому двумя моторами. Вдруг Иваныч сбивается с курса и забирает правее. Там меляк, я точно знаю, чего он делает-то? А Вовка вдруг встал в лодке, облокотился на ветровик и уставился куда-то вперед. Чего там? Я привстал, пытаюсь получше разглядеть... Лось!

Плывет, неся над водой массивные рога, быстро плывет. Все как Иваныч рассказывал. Я так понял, что прямо сейчас Вовкина мечта о добыче сохатого осуществится.

– Вовка, не надо! – ору, срывая голос и пытаюсь перекричать рев 30-сильной Ямахи.

Но Вовка меня не слышит. Он судорожно шарит по тюкам, пытаюсь отыскать там прочный капроновый шнур, который мы привезли Иванычу.

– Иваныч, ну ты-то, а! – я не оставляю своих попыток воззвать к их разуму, но тщетно. Вовка нашел-таки злосчастный шнур и торжествуя потрясает им над головой.

– Леха, наддай, родной, их догонять надо – я умоляюще смотрю на друга, и тот переводит рукоятку акселератора вперед до упора. Но это нам не особо помогает – движки и лодки одинаковые, да и на Вовкиной лодке хабара чуть меньше, и они с Иванычем чуть легче...

Пока мы мчались за ними на всех парах, Вовка принялся вязать петлю. У него явно ничего не получалось, он размахивал руками и ругался. Мы этого не слышали, но отчетливо видели. Наконец, Иваныч вырвал у Вовки из рук шнур и принялся сам вязать петлю, доверив ему руль. Я зажмурился, опасаясь самого худшего. Вовка не зря носил тайное прозвище Криворукий, ой не зря...

Но обошлось. Иваныч увязал-таки петлю наподобие лассо и принялся было командовать Вовке как половчее к сохатому подойти – азарт захватил старого опытного егеря! Но не тут-то было! Вовка отрицательно мотал головой и требовал петлю. Как же! Это ведь его мечта.

Иваныч сдался и протянул веревку горе-охотнику. Вовка с видом ковбоя из старых вестернов принялся крутить над головой петлю, покрикивая на Иваныча. Мы орал уже в два горла, пытаясь предотвратить неминуемое... тщетно. Вот их лодка поравнялась с лосем, Вовка метнул веревку... мимо! Мимо!

Лось заработал копытами быстрее, бешено кося глазом в сторону лодки с двумя сумасшедшими. Он явно не понимал, чего им надо. Вовка не отчаялся, заработал руками с удвоенной быстротой, выбирая веревку из воды. Берег совсем близко, еще десяток метров и лось встанет на дно, и тогда шансов не останется! Я уже понимал, что сейчас будет, но горло было сорвано, и я мог только силно материться.

Вовка принял киношную позу, раскрутил петлю над головой и метнул, далеко наклонившись вперед... есть! Петля захлестнула правый рог! Вовка торжествующе заорал, заулюлюкал, но Иваныч одернул его, ткнув пальцем на нос лодки – вяжи веревку!

Вовка нырнул вперед, быстро примотал веревку к причальной петле и сразу вернулся назад. Рука его потянулась к ножнам, на губах играла кровожадная улыбка... эх, Вова, видела б тебя твоя жена...

В этот самый момент лось, наконец, достиг мелкого места, ноги его коснулись дна и он рванул в спасительную тайгу! Вовкин план зверски вскрыть лосю горло разваливался на глазах. Иваныч понял, что дело пахнет керосином, и попытался было врубить заднюю, но было поздно. Могучий таежный великан вышел на берег, и, не сбавляя хода, пошел в глубину прибрежных зарослей. Лодка, естественно, потянулась следом. Дикое завывание движка, громкий щелчок, треск, и двигатель остался на прибрежном песке. Иваныч с дикими глазами вцепился в руль и орал на Вовку:

– Веревку режь! Режь веревку!

Но Вовка как замороженный смотрел вперед, вцепившись руками в ветровик. Его можно понять – человек впервые на моторке по тайге катается. Краткое мгновение, и лодка встретилась с пнем. Гулкий удар, Вовка рыбкой вылетает в направлении на север, Иваныч головой втыкается в ветровик, вынося плексигласовую пластину... Рывок, и кусок лодки уходит в тайгу вслед за сохатым. Весь хабар из лодки разлетается по берегу. Мы вылетаем на берег и бежим к двоим потерпевшим. Иваныч хрипит, хватая ртом воздух и силно матерится. Вовка ошалело крутит головой, глядя вслед лосю. Его мечта ушла в тайгу... Так мы думали тогда, но мы ошибались.

– Там..там... патроны в носу... лось забрал...

– Чего?!

М-мать! Рюкзак с патронами спрятали от влаги в носовую банку! Лось с ней в тайгу ушел.

Метнулись к лодке, схватили ружья и бегом за лосем, догонять. Без патронов можно домой ехать...

Нос от лодки мы нашли метров через триста – он застрял между двух сосен, и могучий зверь порвал шнур. Слава Богу!

Стаскали все из носа к нашей лодке, мы оставили Вовку с Иванычем сторожить хабар и погнали лодку к зимовью – за раз все имущество в зимовье не перевезем.

Вовка с тех пор носит второе прозвище – Родоо.

Встреча в тайге

...Вечер подкрался незаметно для меня. Я просто вдруг понял, что плохо различаю кедровых метрах в 30 от костра. В природе все начало стихать. Дневные птахи уже разлетелись по своим гнездам, уступая место ночным охотникам. Деловито шуршащие в траве полевки тоже на время куда-то исчезли. И пара крайне дружелюбных бурундуков куда-то исчезла.

К слову, бурундуки эти покорили меня своей бесшабашной наглостью и задором) Первое, что сделали два полосатых разбойника после того, как я поставил палатку и разбил лагерь – ворвались в нее и устроили невероятную суету в моем спальнике. Они носились в нем, периодически выглядывая, дрались друг с другом и искали еду. Все верно, они ведь еще неопытные туристы и не знают, что еду обычно носят в рюкзаке, а не в спальнике.

Все то время, пока я на костре готовил себе еду (жареху из картошки с собранными тут же грибами), эти бандиты крутились рядом, шурша мешочками и пытаясь стянуть пачку сигарет. Но я не позволил – маленькие еще курить....

Как только я сел обедать, оба братца как по команде устроились на бревнышке напротив и стали внимательно следить за тем, как я ем. Мне прям неловко стало, кусок в горло не лез. Я отломил им по кусочку хлеба для начала и бросил к бревнышку. Они, совершенно не боясь огня, прыгнули и стали с аппетитом уплетать хлеб. Ну ладно! Вот вам по картошке. От картошки они отказались, видимо недосол. Зато печенку сточили с удивительным проворством. Так мы и подружились. Они приходили утром, в обед и к ужину все два дня, что я провел в этом чудесном месте.

И когда я понял, что ночь уже близко, решил вернуться к костру и готовиться к ночевке.

Чайку свежего заварить, вещи прибрать. К этому моменту я уже сутки провел на этом месте, в тайге за деревней Александровка на юге Кузбасса.

Много времени эти дела не занимают, пятнадцать минут и готово. Сижу, пью чаек, планирую завтрашний день. В планах сходить в сторону горы Барсучьей, чья вершина синее над тайгой километрах в двенадцати от меня. А вокруг уже темно. Костерок освещает полянку метра на три вокруг себя, а дальше все, темно.

Сижу, прислушиваюсь, как оживает ночной лес. Ночью тайга звучит и дышит совершенно непохоже на дневной шум. Все шорохи и потрескивания какие-то сторожкие, тревожные, неожиданные.

Днем шум в лесу слитный, все звуки звучат совместно. А ночью каждый шорох слышится отдельно от остальных, акцентировано. И даже негромкий треск сучка под чьей-то ногой разносится далеко. Так я и услышал шаги. Кто-то не таясь шел на свет костра. И вот из темноты как-то сразу появился очень картинный дед. С густой седой бородой, ружьишко на плече, рюкзачок на другом, подпоясан патронташем, в кирзовых сапогах.

Он поздоровался кивком головы, взглядом спросил разрешения расположиться. Я кивнул. Дедок повесил ружье на березку, рюкзак под нее бросил, сверху патронташ. Потом приволок откуда-то из темноты небольшое бревешко, бросил у костра. Снова ушел в темноту и через пяток минут вернулся с охапкой сушняка. Таково таежное правило – идешь к костру, принеси дров.

Все так же молча дед достал из рюкзака пару уже выпотрошенных рябчиков, уселся к костру и принялся их ощипывать. Я тем временем снял с костра котелок с чаем и отставил его чуть в сторону, настояться. Взял второго рябчика и тоже принялся за дело. Дед одобритительно хмыкнул, но ничего не сказал. Так молча мы и дощипали птиц. Тогда дед достал из рюкзака смешанную с черным перцем соль и ловко натер рябчиков, насадил их на рожны и закрепил у костра, жариться.

Я налил деду и себе чаю. Сделав первый глоток, посмаковав вкус (а в чае и смородина, и земляника), дед сказал вдруг:

– Хороший чаек, душистый...

Я молча кивнул, ожидая продолжения.

– Давно ночуешь? – спросил дед.

– Вторые сутки уже.

– Комары-то не заели?

– Да нет, нормально. Брызгаюсь чем попало да курю почаще, они и не кусают.

И снова молча пьем чай. Дед регулярно поворачивает рябчиков то одной стороной к огню, то другой. Поужинали. Рябчики вкусные, с дымком!

Спать не хотелось. Закурили. Дед, глядя на меня над костром, сказал:

– Меня Петр Иванович зовут, егерь я здешний.

– А меня Денисом зовут. К Барсучьей горе собрался.

– А чего там интересного?

– Так не был ни разу, только от деда рассказы слушал, как он там с ружьем бродил.

– А как зовут деда-то твоего?

– Василий Петрович.

И тут выяснилось, Петр Иванович деда моего прекрасно знает, уважает как порядочного охотника.

Поговорили еще немного, да и спать разошлись. А утром, когда я проснулся, Петр Иванович уже ушел, оставив мне на память еще одного рябчика. Я в тот раз так и не дошел до Барсучьей горы – погода испортилась, зарядил нудный мелкий дождь, и я отправился домой. Вспоминаю иногда молчаливого Петра Ивановича, его спокойную и основательную манеру говорить. Вот таким и должен быть егерь: знающим все в тайге, радушным хозяином.

АНГЕЛ

Впервые я встретился с ангелом случайно. Просто повернул голову и... увидел ее. Огромные синие глазищи нараспах, белокурые локоны, чудные ямочки на щеках... Ей было четыре или пять, она все время смеялась и старалась накормить меня пирогами из песка. А когда я отказывался, ее синие как небо глаза вдруг наполнялись слезами... Разве я мог ей отказать? Да и кто отказывает ангелам...

Тогда я понял, что быть с ангелом непросто. Непросто, но чудесно. Я не знал, что мне больше нравится – ее чудесный смех колокольчиками или моментально наполняющиеся слезами ясные глаза. Мне просто было радостно от того, что она есть.

А потом она ушла, и я остался без ангела. Искать было бесполезно. Потому что я не знал главного – как узнать в ангеле ангела?

Нет ведь никаких классификаций и описанных признаков, вроде роста, размаха крыльев, цвета глаз... ничего. А у ангела обязательно должны быть крылья? У нее, кажется, не было... Но я все равно искал, жадно вглядываясь в глаза, пытаюсь найти тот самый взгляд или что-то еще... тщетно. Чаще я встречал в глазах насмешку... или удивление... или растерянность. Или, что было хуже всего, равнодушие.

Я задумался – откуда берутся ангелы? Зачем они приходят к нам? Как узнать своего, как не ошибиться? А ангел есть у каждого? Или кто-то всю жизнь живет вот так... без тепла? А когда ангелы уходят, они уходят к кому-то или тоже обрекают себя на одиночество? Почему они приходят? И почему не остаются?

Вопросы, вопросы... Каждое утро, открывая глаза, ты впускаешь в себя целый мир. И пока ты спишь, он меняется. И тебе нужно время, чтобы узнать его снова, привыкнуть. А ангелы? Они меняются, пока ты спишь? Наверное. Но чтобы это узнать, нужно встретить одного ангела дважды. А это вряд ли возможно...

Я много раз видел чужих ангелов и узнал, что они очень разные, совсем как мы.

Вот Она бежит к своему папе, широко раскинув руки и распахнув глаза. Обнимает его ноги, прижимается к ним со счастливой улыбкой, и они стоят так, не шевелясь и ни на что не обращая внимания. Он гладит ее по голове большой сильной ладонью, и суровые складки в уголках рта вдруг разглаживаются, из глаз исчезает что-то прочное, острое, улыбка трогает обычно сжатые губы... С ангелами всегда так.

А вот Он ведет под руку свою бабушку. Он высокий, плечистый – настоящая опора. Он мог бы нести ее на руках, но не лишает бабушку счастья чувствовать свои ноги. И бабушка улыбается, притягивает его вихрастую голову вниз и звонко чмокает сухонькими губами в лоб, шепча что-то. Наверное, молитву. Потому что ангелы ближе нас к богу.

Или вот эти двое. Они идут рука об руку, улыбаются и болтают. Юные, красивые... они еще не решили, кто из них чей ангел. Им просто хорошо, и это хорошо.

Такие разные и такие похожие ангелы. И не разобрать, кто из них чей. Да это и не важно. Важно, что они есть.

Однажды я увидел во встречном взгляде... любопытство? Наверное, просто свет. И радость, словно бы от узнавания чего-то родного. Как будто мы давно не виделись и случайно пересеклись взглядами в толпе. Помню, что стало тепло...

Сейчас у нас растет дочка. И глядя на нее, я понимаю, что ангел есть в каждом. Важно сохранить его в себе. Каждый человек – ангел. Но расправляет крылья только тогда, когда есть тот, за кем хочется взмыть в небо и летать вместе...

Я думаю, что ангел есть у каждого. Нужно просто ждать. И быть достойным.

Я не знаю, чем я заслужил. И иногда мне кажется, что встреча с ангелом – это аванс. И оправдывать его нужно всю жизнь. Но жизнь с ангелом стоит того...

Главный в тайге

... Я шел по тайге. Шел к зимовью, уже третий час месил ногами лесовозную дорогу. Глубокая колея, полная мутной воды, отражала в себе серое хмурое небо. Дождь идет, не переставая, уже почти час. Мелкий, нудный, секущий каплями лицо и постепенно пропитывающий меня насквозь. Мерный шлепоток капель по луже убаюкивает на ходу. Идти мне еще часа полтора.

Пару часов назад я сошел с парома, на котором добирался из Колпашево до Лебяжьего в компании еще 3 человек и пары УАЗов. Они собрались в Куржино, а мне нужно было чуть в другую сторону. На пароме мы шли 3 часа. Ни навеса, ни скамейки. Но я привычный, бросил рюкзак, сел рядом и покуривал, глядя на тянущиеся мимо берега. В дороге разговорились с усатым дядькой, который назвался Михаилом. Оказалось, что он с Алтая, приехал на заготовку грибов. Вот так. Со всех уголков Сибири тянутся сюда грибники, рыбаки и охотники. Идти на пароме и на моторке – две огромные разницы, конечно. Паром – медленный, вальяжный, против течения идет очень тяжело. Причалили, ткнувшись аппарелью в высокий взвоз. Быстро сошли с парома и отправились каждый в свою сторону.

Михаил предложил подбросить куда-нибудь, но я отказался – подышу.

И вот иду. Решительно свернув с дороги, я зашагал по горельнику. Прошлой осенью здесь прошел низовой пожар, и деревья стояли голые, мрачные, до середины ствола покрытые копотью. Выгорел и подлесок. Только грибы прорывали хвойную подложку тут и там. Шагать было легко, пружинисто. Вокруг кипела жизнь. Белки переговаривались в ветвях над головой, звонко цокая и осыпая вниз тонкие чешуйки красной сосновой коры. Тайга не терпит пустоты. И на месте пожара уже через пару-тройку месяцев пробиваются первые зеленые ростки. А грибы так вообще почти сразу на пожарище лезть начинают.

И я шагал. Дождь незаметно прекратился, горельник вокруг сменился сосняком. Хвоя под ногами скрылась под толстым ковром белого лишайника, грибов стало больше.

Дышалось, шел я не спеша. Куда торопиться? Впереди несколько дней тайги. Я очень люблю это ощущение свободы. Нет никаких срочных дел, никто не звонит тебе каждые пять минут с каким-то неразрешимым вопросом, не нужно спешить. Просто идешь и дышишь, вдыхая настоящий на грибах, хвое и травах воздух.

Так я и дошел до зимовья, стоявшего на берегу небольшой речушки, впадающей в Кеть.

Старый разрушенный мост, облетающие березки и полная, невозможная тишина. Такое бывает только в осенней тайге. Какая-то пронзительная печаль веет в воздухе, светлая и легкая, как паутинка. И запах дымка. Дым из печки всегда можно отличить от дыма костра. По каким-то неуловимым ноткам, оттенкам. Это был дым из печки. В зимовье кто-то был.

Я огорчился – очень хотелось побыть одному. Дверь в зимовье была открыта, и на пороге сидел мужичок. Неопределенного возраста, таких в каждой деревне десяток. В кроссовках, спортивных штанах и клетчатой рубаше с закатанными рукавами. Он курил. Рядом с ним на приступочке стояла парящая кружка с чаем.

– Здорово ночевали, – поздоровался я.

– И тебе привет, – приветливо улыбнулся мужичок и протянул мне руку, – Андрей.

– Денис, – в свою очередь представился я, – давно здесь?

– Неделю уже.

Я кивнул и вошел внутрь, пригнув голову – низкая притолока не давала выпрямиться. Внутри сумрак. Маленькое окошко дает совсем мало света, но это вынужденная мера предосторожности – слишком много вокруг медведей. У окна стоит стол: темная от времени деревянная столешница, рафинад в коробке, пара эмалированных кружек, кулек пряников. Напротив окна – буржуйка, в которой прогорали угли. На печке – чайник. У дальней стены – деревян-

ные нары с раскатанным спальником и парой подушек. Под потолком – пучки каких-то трав. В щели между бревнами торчат пара ножей. Вот и вся нехитрая обстановка.

Я налил себе чаю и вышел на крыльцо. Андрей подвинулся, давая мне место. Закурили.

– Ты надолго? – это мне вопрос.

– Дней пять побуду. Побродить хочу.

– А ружье где?

– У меня нету ружья. Друзья привезут завтра.

Помолчали. Крепкий черный чай со смородиной, обжигающая руки и губы кружка – лучшее чаепитие.

Мне не хотелось компании, общения. Хотелось побыть одному, привести в порядок мысли, отключиться. И Андрей, похоже, понял это. Поднялся и молча ушел в зимовье, кашеварить. А я допил чай, занес кружку и ушел в тайгу, подышать. Но далеко решил не ходить – медведей никто не отменял в этом лесу.

Взял ведерко под грибы, нож и пошел. Иду, зорко глядя по сторонам, высматриваю грибы. Тут и там встречаются белые пеньки – Андрей прошелся здесь до меня.

Отошёл на полкилометра от зимовья и вот он, стоит. Я обрадовался ему, как старому знакомому. Темно-бурая шляпа, крепкая нога. Режется с таким плотным скрипом.

Иду дальше. Огорчение уже рассеялось, тайга быстро избавляет от расстройств.

Побродив пару часов и набрав ведро отборных боровиков, я вернулся к зимовью. А там уже всюю шкворчала сковорода с картошкой и грибами, пыхтел чайник. На столе исходила парком жареная щука. Ух какой стол сообразил мой сосед!

Поставил грибы, взял топор и пошел за дровами...

Наутро я проснулся от холода. Печь погасла, в зимовье я был один. В окошко пробивался серый, еще предутренний, свет еле забрезжившего рассвета. В приоткрытую дверь заползала тоненькая полоска густого белого тумана, принося с собой волглую морось.

Быстро поднявшись, я прикрыл дверь, отсекая белесое щупальце тумана, и растопил печку. Нащепил лучин ножом и раздул огонь пожарче, благо угли теплились, багряно переливаясь под слоем золы. Живительным теплом потянуло от печки. Я вышел на двор. Туман белой кисеей плавал между сосен, цепляясь за подлесок. Первые солнечные лучи резко высвечивали в тумане тени деревьев, заливая туман золотистым жемчужным сиянием. В сочетании с сочной зеленью сосен и утренним синим небом – фантастическое зрелище! Как будто в храме с большой колоннадой, так же звонко и торжественно.

Я замер на крыльце, пораженный этим великолепием и горько жалел, что я не художник и не умею это запечатлеть. Стоял и внимал, впитывал. Сколько я так простоял? Минут двадцать, наверное. А потом солнце поднялось чуть выше, и туман стал прозрачным, заиграл мелкими искорками, оседая на стволах сосен.

За моей спиной закипел чайник, забренчал крышкой, разбрызгивая воду на раскаленную печку. Я подхватил его, переставил подальше и быстро запарил чай в котелке. А сам пошел на речку, умываться. Студеная вода в речке после вчерашнего дождя отстоялась, очистилась и бодрила невероятно. Растерся докрасна полотенцем и уселся на крыльчке, чай пить. День обещал быть долгим и насыщенным. Через час – полтора должны подъехать хозяева зимовья, привезти ружьишко. И мы с ними поедem на дальние озера, на утку.

Я решил не терять время и приготовить на завтрак сытную грибную похлебку. Быстренько почистил и нарезал грибы, лук и картошку. Пока лук шкворчит на сковороде, почистил и морковку, мелко-мелко нашинковал и добавил к луку. Минут через пять добавил порезанные грибы, соли и крупного черного перца маленькую щепотку. Рядом поставил котелок с картошкой, залитой водой на два пальца. Когда вода закипела, добавил свежих порезанных грибов и оставил кипеть минут пятнадцать. Затем добавил туда жарку, лаврушку и пару горошин перца, и варил еще десяток минут. А затем отставил в сторону настаиваться, преть. Ах какой

запах поплыл по тайге! Я ждал, что сейчас придут жители окрестных деревень. Но пришел один Андрей. С парой щук и язем килограмма на полтора, уже выпотрошенных и очищенных.

С края поляны потянул носом воздух, довольно ослабился, подвесил низку с рыбой на гвоздь и открыл крышку на котелке. Густой вкусный пар обдал зимовье, слюна просто вскипела во рту. И тут мы услышали звук мотора – а вот и друзья мои пожаловали.

...Похлопали друг друга по плечам и пошли завтракать. Стол вынесли на улицу, да и уселись всем гуртом, по очереди запуская ложки в котелок. Потом пили чай, блаженно щурясь, и никуда не хотели. Но все же собрались. Андрей остался на зимовье, мы же рванули на дальние озера.

Дорогой мы раз десять спугнули косачей. Они тяжело снимались с веток и перелетали метров на двадцать. Один раз из-под колес вспорхнула копалуха. Мы не стали останавливаться, не за ними ехали. Но раз все же не выдержали. Тетерева просто не стали улетать при нашем приближении. Такой наглости мы стерпеть уже не могли. Остановились, вышли из машины, не хлопая дверьми. Косачи беспокойно завертели головами, но и только. Метров сорок до них, через ветки стрелять не станешь. Пошли короткими шажками, следя за птицами. Сидят, ждут чего-то... Ну, дождались. Мы вышли на убойную позицию, два выстрела, еще дуплет – три косача валятся с веток, даже не трепыхаясь. Остальные срываются с ветвей и уходят, прячась за деревьями.

Ну, с полем!

Первые трофеи взяты, пора и дальше ехать.

Доехали до озер... утки не было совсем. Покрутились, носом поводили и поехали дальше. Нет утки – поищем глухаря. Сказано – сделано. Сели в машину и рванули вглубь тайги, к большой кедровой гриве. Там точно есть глухарь. Не добравшись до места с километр, бросили машину и дальше пошли пешком. Двигались сторожко, короткими маршрутами, подолгу прислушиваясь и оглядывая деревья.

И вот впереди, метрах в 100, на фоне неба я увидел глухаря. Он сидел на березе, временами задирая голову. Прекрасная мишень. Знаком показал напарнику на птицу. Он кивнул и остановился, давая мне подойти на выстрел.

Я пошел, ступая мягко и осторожно, ногой угадывая место, куда наступить и не отрывая взгляда от глухаря. Если я его добуду, это будет первый мой глухарь, волнение зашкаливает.

Хруст ветки под ногой. Я встал как вкопанный, не дышу. Глухарь вроде бы даже не услышал. Во всяком случае внешних реакций никаких. Иду дальше, тщательно выбирая место для шага и прячась за деревьями. Пятьдесят метров... сорок... тридцать... все, дальше открытое место. Береза стоит на болотине, высоченная белая трава и сухие горбыли берез торчат к небу, как костлявые руки.

Встал за деревом, перевел дыхание. Снял ружье с предохранителя, прицелился. В стволах – два патрона с контейнерной тройкой, должно хватить. Да и расстояние нормальное, на верный выстрел. Но все равно – волнительно. Прижал ствол к дереву, прицелился... Какой он красивый все же! Гордая посадка головы, мощное тело, богатый хвост. Выстрел! Тыльник приклада толкнулся в плечо, глухарь камнем валится вниз. Попал!!! Мой первый глухарь!!

Я перевел дыхание, перезарядился, поставил ружье на предохранитель и пошел за своим трофеем.

Подошел, поднял его за шею – здоров! Красавец. Подошли мужики, поздравили. Попал точно в голову, невероятно для меня. Я очень неопытный охотник.

Побродили еще часа три и поехали к зимовью. Никого больше не добыли, но и так с трофеями. Я так вообще чувствовал себя именинником!

По приезду на место Андрей тоже поздравил нас с удачной охотой и принялся потрошить и ощипывать добычу. Я уселся ему помогать, и мы наконец разговорились. Оказалось, он так и живет в тайге все лето. На зиму только приходит жить в деревню. Такой таежный робин-

зон. Помогает заезжим охотникам и местным промысловикам на рыбалке, тем и кормится. Он знает тут каждый куст, с медведями по утрам здоровается, как шутят местные мужики. Иногда выступает проводником для групп охотников. И по уверению мужиков, всегда проводит охоты бережно по отношению к тайге.

За лето обходит все зимовья в радиусе полсотни километров (а их там много), наводит порядок, пополняет запасы дров, подновляет прохудившиеся крыши – таежный хозяин. Главный в тайге.

Я прожил в этом зимовье еще три дня. Андрей ушел nasledующий день, его ждало другое зимовье. Это не было его работой. Он просто не мог сидеть на одном месте. Тайга звала его, и он уходил. Он был здесь своим...

Гости

– Дзыннннн! Дзыннннн! – металлический звон далеко несся над утренней рекой, путаясь в прибрежной тайге и заставляя птах изумленно замолкать. Кто посмел вмешаться в их оркестр? Звон все летел и летел, кто-то очень старался вбить железный колышек в каменистый грунт.

Старый охотник Петрович, кряжистый, с узловатыми пальцами и добродушным лицом, досадливо поморщился – ну кто ж так в тайге шумит? Тайга она ведь покой любит, тишину, а тут...

Рыбалка сегодня удалась, в садке тяжело ворочались с пяток золотых пузатых карасей – пора заканчивать. Но Петрович не торопился. Поплавок вдруг резко пошел в сторону, леска напряглась, загудела, и под водой заходил-загулял очередной карасище. Петрович, счастливо улыбаясь, выволок рыбину на берег, аккуратно высвободил синий кованный крючок и отправил карася в речку, пусть гуляет. Не торопясь наживил нового червяка и забросил снасть под заветный кустик.

Чара, некрупная лайка с задорно торчащими ушами и свернутым в тугой калач хвостом, верная подруга по дедовым таежным скитаниям, лениво наблюдала. Она уже давно привыкла чудачествам друга. Вот зачем, спрашивается, ловить и отпускать рыбу? Ведь из нее такая вкусная похлебка получается, да и жареная она очень вкусна.

Поплавок установился в нужном месте, и Петрович заговорил чуть сипловатым совсем молодым голосом:

– Осуждаешь опять... Эх ты, кулёма... Ну вот куда нам с тобой еще, а? – он улыбался, глядя на застывшее в воде гусиное перо.

Чара привычно промолчала, лягнула только зубами, пытаясь поймать порхающую в тени бабочку.

– Вооот, а я тебе так скажу – рыбалка человека лучше делает, добрее – дед оглянулся на собаку, подмигнул ей и продолжил со значением – и собаку тоже.

Чара разулыбалась, дернула хвостом. Такие разговоры давно стали привычны. С кем деду в тайге еще разговаривать? С белками разве что, те без умолку стрекочут, но с ними деду не так интересно...

Поплавок вновь дернулся, замер на секунду и пулей устремился к середине реки, на стремнину.

– Ух ты бойкий какой! – Петрович подхватил удочку, подсек... Ох и забилась рыба, не желая сдаваться. Легенькое пластиковое удилище поскрипывало, леска звенела, а катушка готова была вот-вот разразиться гневным треском фрикциона... но обошлось. Рыбина пошла к берегу. «Кто ж там такой?» – деда снедало любопытство. Каково же было его удивление, когда он разглядел под водой черную щучью спину! Щука была не крупной, в руку длиной, может чуть меньше. «Вот дернет сейчас головой, и поминай как звали»... Не дернула. Дед ловко выхватил разбойницу из воды и поднял перед собой, любуясь. Темно-зеленое в светлых пятнах тело, ярко-малиновый хвост и белоснежное брюхо. Осторожно дед высвободил крючок из самого угла щучьей пасти. И как умудрилась? Неужто на червя позарилась? Удивительно.

«Неужто и эту отпустит?» – Чара не утерпела, подошла поближе, обнюхала рыбину.

– Пльви, родная. Да и мы пойдем.

Дед поднялся, собрал удочку и только сейчас заметил – над рекой повисла обычная тишина. Но не успел он обрадоваться этому, как откуда-то слева, ниже по течению, раздался громкий крик:

– Саааня! Саааня! Ты где, в туды тебя коромысло?

Петрович сплюнул на прибрежные камни, вынул из воды садок, закинул удочку на плечо и зашагал по тропе вверх, к своей избушке.. А из-за спину несло:

– Саня, а кто таборить будет? А костер? Саааня!...

Чара бежала впереди, впрочем, далеко от деда не уходя – мало ли. Изба стояла на светлой поляне на небольшом пологом холме. Вокруг стояли красноствольные сосны, перед приземистой крепкой избой было выложено речными окатышами кострище с основательным таганом, рядом под небольшим навесом стояли стол с лавками, а чуть ниже, у говорливого ручья, стояла банька. Сбоку к избе был пристроен дровяник, сейчас забитый сохнувшими с весны дровами.

Чара выкатилась на полянку перед домом, заплясала радостно – обед скоро. Да и то сказать, с самого рассвета на реке, немудрено проголодаться. Петрович пристроил удочку под навесом, неспешно развел костер, высыпал карасей на траву у кострища и взялся за чистку. Ножом ловко снял чешую, надрезал рыбину сразу за головой и одним слитным движением провел к хвосту вдоль хребта, рассекая ребра. Потом вырвал жабры, вычистил внутренности и забросил рыбу в котел – помыть надо бы. Перечистив рыбу, он скидал чешую и кишки в костер – незачем оставлять, хозяин быстро придет на запах – и отправился к ручью. Не за водой, нет – уху из карася он не любил и не варил никогда. Карася он любил жареного до красной хрусткой корочки. Для этой цели заказал он у ребят городских сковороду на цепочках, чтоб над костром ее пристраивать на тагане. Они поудивлялись сначала, но отведав дедовых карасей, и себе таких же сковородок понаделали...

Здесь, на его полянке, царил тишина. Место под дом он себе присмотрел еще когда егерем здесь работал. По-над берегом, в светлом сосняке, с видом на реку и синеющие вдаль горы... благодать. Лишь когда появлялись у него в гостях рыбаки да охотники, становилось шумно и суетно. Но пока еще рано. Эти вон крикуны раньше всех появились... Принесла же нелегкая...

Караси шкворчали на сковороде, распространяя вокруг невероятные запахи. Чара уже съела свою пайку, дед с вечера напарил ей каши, набросав туда обрезки, но все равно водила носом и облизывалась. Дед достал лепешку, засохшую до каменной твердости, выложил на стол. После рыбы в самый раз ей в горячей сковороде в масле да жиру полежать, отмякнуть. Потом пристроил рядом со сковородой котелок, набросал в него любимых травок – добрый будет чай...

Пообедав, дед засобирался – пора было до деревни, припас пополнить. Мука почти закончилась, сахар да соль. Керосина надо было для лампы прикупить, да и для лодочного мотора топливом запастись. У него на лодке стоит 30-сильный японский движок. Мощный, куда там «Вихрю». Всем хорош, а особенно тем, что конденсат вместо бензина потребляет – хорошая экономия выходит.

Чара, успевшая придремать на солнышке, встрепенулась, потянулась, зевнув широко, и устремилась вслед за дедом. А тот неспешно спускался под гору, неся на плече старый добрый СКС, а за спиной целую вязанку пластиковых канистр. Намается потом наверх таскать, да куда денешься...

Длинная узкая деревянная лодка терпеливо ждала своего часа на берегу, почти невидимая на прибрежных камнях. Легко перевернув лодку, дед толкнул ее на воду, оставив корму на берегу. Скидал внутрь канистры, пристроил весла и взялся за двигатель. Ох и тяжел, тудяга, но зато и работает отменно...

Закрепив мотор, свистнул Чару и толкнулся от берега. Дернул дроссель и мотор заурчал сыто. Пора...

Лодка метнулась на стремнину и пошла вниз по течению. Чара улеглась на носу и зорко смотрела вперед, дед поглядывал по сторонам. Чуть погодя он увидел на небольшом каменистом островке лагерь давешних крикунов. Две цветастых палатки, шатер между ними, ближе к воде дымящийся костерок с таганом. На берегу маялся один из рыбацков – он беспечно хле-

стал воду спиннингом, пытаясь выловить хоть что-то. Зря. Нет в этом месте рыбы, и не было никогда. Лодки на берегу не было – знать, ушли его друзья рыбачить, а его костровым оставили. Увидев Петровича, рыбак замахал руками, закричал что-то, но дед не расслышал из-за рева мотора. Кивнул только и отвернулся.

Зря они там табором встали. Пройдет в горах дождь, и сметет их в реку, как пить дать сметет. На обратном пути надо будет предупредить. Новички видать. Бывалые так орать не станут...

Причалив к берегу, Петрович легко выпрыгнул на берег, вытянул лодку и для надежности привязал ее к вбитому в каменистый грунт металлическому штырю. Затем подхватил вязанку канистр и поднялся по взвозу к стоящей за сараем старенькой «Ниве». Он всегда ее здесь оставлял. Ключи лежали под сиденьем, и деревенские об этом знали. Иногда брали, если срочно было нужно, и возвращали с полным баком – так заведено. Первым делом в магазин – старую покосившуюся избу с широким крыльцом и синими потрескавшимися наличниками. Там его дожидаются заказанные в прошлый приезд мука с сахаром и солью, чай, патроны...

Однако забрать свой заказ оказалось не так просто – в магазине топталась пара здоровенных молодых парней. Они громко разговаривали, требовали то одного, то второго. На прилавке уже стоял ящик водки, но они требовали еще.

– Не дам – маленькая, похожая на сердитого воробья Алёнка даже ногой притопнула.

– А чего не дашь-то? – изумлению ражего детины в десантном тельнике не было предела. – Деньги ж плачу, ну?

– Да что мне твои деньги? Всего ящик и остался, машина через два дня только. Меня мужики живьем съедят. Не дам.

Десантура (Петрович так его про себя назвал) хлопнул ладонью по прилавку, да так, что бутылки в ящике зазвенели:

– Ты мне голову не морочь, пигалица!

Он открыл было рот, чтобы еще что-то сказать, но тут заговорил Петрович:

– А ты, голубь, не шуми. Сказано – нет водки, значит ее нет.

– Да ты чего лезешь, дед? – парень всем корпусом развернулся к Петровичу, демонстрируя военную выправку и внушительных размеров кулаки. Петрович ловко обошел его, облокотился на прилавок:

– Алён, они тебе за водку-то заплатили?

– Н-нет – девчушка испуганно смотрела на Петровича.

– Ну вот и прибери, я попозже заберу – с этими словами он выложил на стол деньги. – Да и остальное тоже обратным ходом. А сейчас до Ваньки, конденсат заберу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.